This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
219.3
.B26
BUHR A
a39015 01810423 5b

[I 2 2 5.

PROPERTY OF

The University of Michigan Libraries

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

VII D 16

EX LIBRIS
S. Y.

I F 2 2 5.

PROPERTY OF

The University of Michigan Libraries

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

VII D 16

EX LIBRIS
S. Y.

26

МОСКОВСКИХЪ

ЛЖЕ-ПРОРОКОВЪ,

ЛЖЕ-ЮРОДИВЫХЪ,

ДУРЪ

и

ДУРАКОВЪ.

Изданіе П. Баркова.

МОСКВА.
Типографія Семена.
1865.

9/11/13

105a-273112
Barkov, N

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

МОСКОВСКИХЪ ЛЖЕ-ПРОРОКОВЪ,

ЛЖЕ-ЮРОДИВЫХЪ,

ДУРЪ И ДУРАКОВЪ.

Изданіе Н. Баркова.

МОСКВА.
Типографія Семена.
1864.

DK
219.3
B26

Дозволено цензурой. Москва, Февраля 19 дня 1864 года.

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Иванъ Яковлевичъ изъ Смоленскихъ священническихъ дѣтей (*), учился въ духовной академіи, жилъ въ Смоленскѣ, занимаясь управленіемъ чего-то, что-то надѣлалъ и ушелъ въ лѣсъ, рѣшившись юродствовать. Крестьяне нашли его въ лѣсу копающимъ палкою землю, безъ шапки и безъ всякаго имущества; они построили ему избушку, стали къ нему ходить и скоро имя Ивана Яковлевича сдѣлалось извѣстнымъ во всей окрест-

(*) Братъ его, Илья Яковлевичъ, былъ въ военной службѣ, достигъ степени капитана, вышелъ въ отставку, и былъ гдѣ-то смотрителемъ. Живетъ онъ въ Москвѣ.

ности. Такое начало подвижнической жизни Ивана Яковлевича было чисто въ древне-русскомъ духѣ. Тогда, обыкновенно, всѣ старцы и старицы уходили въ лѣсъ, въ пустынныя мѣста, въ особенности на сѣверъ Новгородской области; у нихъ скоро являлась хижина, иначе келія; проходила по окрестности молва о совершавшихся тамъ явленіяхъ, въ келіи собиралось общество и т. д. Но хижинѣ Ивана Яковлевича не суждено было никакого дальнѣйшаго развитія. Сорокъ три года тому назадъ, жила въ Смоленскѣ одна богатая и знатная барыня; у ней была дочь невѣста, сговоренная за одного изъ военныхъ, отличившихся въ войнѣ 1812 года. Свадьба уже была назначена, но невѣстѣ вздумалось съѣздить къ Ивану Яковлевичу. Вотъ мать и дочь, взявъ съ собой няньку и дѣвку, садятся въ карету, запряженную въ шестерикъ, ѣдутъ въ лѣсъ, входятъ въ хижину Ивана Яковлевича и спрашиваютъ у него: счастлива ли будетъ за мужемъ такая-то раба божія? Иванъ Яковлевичъ, вмѣсто отвѣта, вскаки-

ваетъ съ мѣста, гдѣ сидѣлъ, стучитъ кулаками о столъ и кричитъ: «разбойники! воры! бей! бей!». Воротившись домой, невѣста объявила матери, что она замужъ за своего жениха не пойдетъ, потому что Иванъ Яковлевичъ назвалъ его разбойникомъ. Услышавъ про неожиданный отказъ, женихъ сталъ выпытывать у людей невѣсты причину, и узналъ, что его невѣста была у Ивана Яковлевича, и онъ сказалъ ей что-то очень дурное про ея жениха. Женихъ, это былъ Э—ъ,(*) тотчасъ же отправился къ Ивану Яковлевичу и, разсказывали мнѣ, переломалъ ему ноги, а потомъ просилъ смоленскаго губернатора избавить общество отъ этого изувѣра, который разстраиваетъ семейныя дѣла.

(*) Разсказываютъ еще что женихомъ былъ не Э—ъ, а К—, который впослѣдствіе дѣйствительно оказался воромъ. Неужели въ цѣломъ Смоленскѣ не найдется ни одного человѣка, который собралъ бы тамъ всѣ разсказы про Ивана Яковлевича и возстановилъ ихъ въ настоящемъ видѣ!

Въ Смоленскѣ, разрушенномъ войною, не было тогда дома умалишенныхъ, поэтому тамошній губернаторъ переписался съ московскимъ губернаторомъ (эта переписка вѣроятно цѣла,—издать бы ее!), и вотъ Иванъ Яковлевичъ посаженъ въ московскій «безумный домъ». Невѣста Э—а замужъ не выходила, а пошла въ монастырь, была игуменьей и вела переписку съ Иваномъ Яковлевичемъ. Ѣхалъ Иванъ Яковлевичъ въ Москву, а слава его бѣжала впереди и распространяла слухъ, что ѣдетъ пророкъ, чудесно все угадывающій и предсказывающій. И сорокъ-три года прошло ужь, какъ этотъ Иванъ Яковлевичъ, почитаемый равно москвитянками и смольнянками, предсказываетъ имъ о женихахъ, о выздоровленіяхъ, изцѣляетъ больныхъ, пророчествуетъ о морозахъ, о засухѣ, о буряхъ, о холерѣ, о войнѣ и т. п. Ему приносятъ дары, «съ упованіемъ нѣкія пользы», но онъ, какъ нѣкій идолъ, самъ ничѣмъ не пользуется (т. е. не наживается), а все раздаетъ окружающимъ его. Кромѣ того, при «безумномъ

домѣ», въ честь Ивана Яковлевича устроена «кружка», куда доброхотные датели влагаютъ свои лепты, куда идутъ и несчастный грошъ бѣдной бабы, и алая бумажка богатой купчихи.... Приносимые же ему дары состоятъ, обыкновенно въ калачахъ, яблокахъ и нюхательномъ табакѣ. Принятые Иваномъ Яковлевичемъ, они освящаются въ его рукахъ, и потомъ раздаются всѣмъ приходящимъ къ нему и производятъ мнимыя чудеса. Одна барыня, пріѣхавшая къ Ивану Яковлевичу изъ Смоленска, услыхавъ однажды голосъ невѣрія, сочла своимъ долгомъ обратить невѣрующаго на истинный путь, и разсказывала, какъ Иванъ Яковлевичъ изцѣлилъ ей палецъ, который медики единогласно присудили отрѣзать. Медики объявили ей, что если она не отрѣжетъ пальца, то скоро нужно будетъ рѣзать ей всю руку. Нѣсколько дней продолжалась ужасная боль въ ея пальцѣ и не знала она, что ей дѣлать и куда дѣваться. И вдругъ вспомнила, что у ней въ комодѣ лежитъ свертокъ табаку, подареннаго ей Иваномъ Яков-

левичемъ, съ надписью: *табакъ отъ Ивана Яковлевича*. Она велѣла подать себѣ этотъ табакъ, посыпала имъ палецъ, и, чудо! палецъ тотчасъ же пересталъ болѣть и скоро зажилъ. «Такимъ образомъ, всѣ наши медики, продолжала она, шарлатаны, а Иванъ Яковлевичъ—святой человѣкъ.» Кромѣ нюхательнаго табаку, другимъ, такъ сказать, символомъ нездѣшняго духа Ивана Яковлевича служатъ записочки, которыя онъ раздаетъ приходящимъ. Записочки Ивана Яковлевича носятъ на крестѣ; онѣ изцѣляютъ отъ зубной боли, но главное, по смыслу написаннаго въ нихъ, угадывается судьба. Пишетъ Иванъ Яковлевичъ очень хорошо, но нарочно дѣлаетъ каракульки вмѣсто словъ, чтобы въ его писаніи было больше чудеснаго. Съ этой же цѣлью употребляются имъ греческія и латинскія слова. Предсказанія его и записочки всегда загадочны до отсутствія всякаго смысла; въ нихъ можно видѣть все, и ничего не видѣть, а потому, объясняемыя съ извѣстною цѣлью, они постоянно сбываются. Вотъ

пунктъ, на которомъ никакъ не собьешь его поклонницъ! Но, говорятъ, что Иванъ Яковлевичъ въ послѣднее время рѣдко писалъ эти записки, и что писаніемъ ихъ занимался бывавшій ежедневно у него богадѣленный діаконъ, который и собиралъ матеріалы для житія Ивана Яковлевича. Изъ другихъ способовъ, которыми передается врачующая сила Ивана Яковлевича замѣчательны слѣдующія: дѣвушекъ онъ сажаетъ къ себѣ на колѣни и вертитъ ихъ; пожилыхъ женщинъ онъ обливаетъ и обмазываетъ разными мерзостями, заворачиваетъ имъ платье, дерется и ругается, безъ сомнѣнія, придавая тому и другому символическое значеніе. Княгиня В—ая умирала и лекаря отказались ее лечить. Она велѣла везти себя къ Ивану Яковлевичу; вошла къ нему, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашиваетъ о своемъ здоровьѣ. Въ это время у Ивана Яковлевича были въ рукахъ два большіе яблока Ничего не говоря, онъ ударилъ княгиню этими яблоками по животу, съ ней сдѣлалось дурно и она

упала; еле-еле довезли ее домой и, чудо! на другой день она была здорова.

Въ его палатѣ стѣны уставлены множествомъ иконъ, словно часовня какая. На полу предъ образами стоитъ большой высеребренный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчой; въ подсвѣчникъ «ставятъ» свѣчи. Налѣво низко молится странникъ съ растрепанными волосами и въ порыжеломъ отъ солнца кафтанѣ. Направо, въ углу, еще ниже молится баба. Прямо на диванѣ сидитъ молоденькая дѣвушка, на полу возлѣ *него* извѣстная купчиха З—ая. Увидавъ вошедшихъ людей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое къ верху, чтобъ не замарать его на полу, подвела *къ нему* подъ благословенье своего ребенка, потомъ сама подошла, потомъ поцѣловала его руку и лобъ, перекрестила его и вышла.

Направо въ углу, на полу лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ ужь предпочитаетъ лежать. На всѣхъ другихъ

больныхъ надѣто бѣлье изъ полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка и одѣяло, и наволочка изъ темноватаго ситца. И этотъ темный цвѣтъ бѣлья, и обычай Ивана Яковлевича совершать на постели всѣ отправленія, какъ-то обѣды и ужины, (онъ все ѣстъ руками—будь это щи, или каша) и о себя обтираться,—все это дѣлаетъ изъ его постели какую-то темногрязную массу, къ которой трудно и подойти. Лежитъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки. Ему около 80 лѣтъ. Лобъ высокій, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Онъ молчитъ, или почти не отвѣчаетъ на всѣ предлагаемые ему вопросы. Сторожъ ему и говоритъ: «Иванъ Яковлевичъ, что же вы не *скажете* ничего господамъ? *скажите* что нибудь имъ? «Я усталъ», отвѣчалъ онъ, но потомъ сказалъ кое-что очень обыкновенное. Иванъ Яковлевичъ лѣтъ по десяти не говѣетъ. Явленіе понятное. По великимъ постамъ, онъ велитъ приносить себѣ постныя и скоромныя кушанья(и ему приносятъ!),мѣшаетъ ихъ вмѣ-

стѣ; и самъ ѣстъ и другихъ кормитъ. И ханжи, которыя дома не обходятся безъ постнаго сахару, ѣдятъ у Ивана Яковлевича скоромныя щи, вѣруя, что это богоугодное дѣло. Вообще же мѣшанье кушаньевъ имѣетъ въ глазахъ Ивана Яковлевича какое-то мистическое значеніе. Принесутъ ему кочанной капусты съ лукомъ и варенаго гороху; оторветъ онъ капустный листъ, обмакнетъ его въ сокъ и положитъ его къ себѣ на плѣшь, и сокъ течетъ съ его головы; остальную же капусту смѣшаетъ съ горячимъ горохомъ, ѣстъ и другихъ кормитъ: скверно кушанье, а всѣ ѣдятъ. За обѣдомъ и ужиномъ не запрещена Ивану Яковлевичу и водочка.

Изъ почитателей Ивана Яковлевича извѣстны: упомянутая выше купчиха З—ая и ея мужъ, и г-жа Г—ая. Говорятъ, что у Ивана Яковлевича часто бывалъ покойный гофмаршалъ Олсуфьевъ, и когда онъ пріѣзжалъ, то къ Ивану Яковлевичу никого больше не пускали. Г-жа Г—ая имѣла въ Москвѣ судебное дѣло, въ которомъ отказано

ей было во всѣхъ инстанціяхъ. Подавала она нѣсколько просьбъ начальству, и кончилось тѣмъ, что ее обязали подпиской не безпокоить болѣе начальства. Что ей дѣлать? Она бросилась къ Ивану Яковлевичу. Онъ ей сказалъ: не бойся! ступай въ Питеръ и проси священника Александра. Она поѣхала въ Петербургъ, говѣла тамъ, исповѣдалась нарочно у священника Александра и выиграла дѣло. У нея же за долги было назначено въ продажу имѣніе. Завтра аукціонъ: что ей дѣлать? она къ Ивану Яковлевичу. Не бойся, говоритъ онъ ей, на своемъ мистическомъ языкѣ, все будетъ хорошо! Она грѣшная не вѣритъ, идетъ домой, и чтожъ? ей даютъ взаймы денегъ, она платитъ, и имѣнье остается за нею! Но не ко всѣмъ добръ Иванъ Яковлевичъ. Настоящихъ дураковъ и онъ даже гоняетъ отъ себя, особенно, когда они обращаются къ нему съ нелѣпыми вопросами. Пріѣзжаютъ разъ къ нему три жирныя такія купчихи въ тысячныхъ солопахъ, и одна изъ нихъ, беременная, спрашиваетъ:

кого она родитъ, мальчика или дѣвочку? Иванъ Яковлевичъ выгналъ ихъ всѣхъ и не сталъ съ ними говорить. Пріѣхала къ нему извѣстная нѣкогда красавица, купчиха Ш—а, и спрашиваетъ его о чемъ-то, а онъ сказалъ, поднявъ ей подолъ: все растресла, поди прочь! Въ числѣ почитателей Ивана Яковлевича считается одно извѣстное лицо, которое по его записочкамъ, написаннымъ на клочкахъ сѣрой бумаги, оказываетъ покровительство его родственникамъ. Такъ напримѣръ, племянникъ Ивана Яковлевича былъ переведенъ изъ села Петровскаго въ село Черкизово. И потомъ эти черкизовскіе родственники и хлопотали, какъ-бы взять Ивана Яковлевича къ себѣ и, такимъ образомъ, открыть у себя торговлю. Имъ помогалъ нѣкто В—нъ. Говорятъ, что онъ прежде былъ дьякономъ, потомъ женился на купчихѣ, былъ учителемъ, по ходатайству одного лица передъ княземъ С. М. Голицынымъ, поступилъ въ Совѣтъ, гдѣ по милости же князя дослужился до коллежскаго ассесора, потомъ поступилъ въ монахи, а теперь

опять сдѣлался свѣтскимъ. Онъ подавалъ уже прошеніе, чтобы позволили взять Ивана Яковлевича изъ «безумнаго дома», но ему отказали.

Вотъ тридцать-три подлинныхъ письма Ива-Яковлевича, изъ которыхъ 30 были писаны имъ къ одной дамѣ, имѣющей съ нимъ сношеніе со времени ея выхода изъ Екатерининскаго Института, въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ. Она или сама къ нему ѣздила за отвѣтами, или посылала къ нему дѣвушку съ записочкою. Каждый шагъ ея жизни, вся участь ея дѣтей,—все это предварительно подвергалось обсужденію Ивана Яковлевича. Задумаетъ она, напримѣръ, что-нибудь о своемъ сынѣ, и напишетъ Ивану Яковлевичу записочку: будетъ ли счастливъ такой то мой сынъ? и онъ на той же самой записочкѣ и отвѣтитъ ей: счастливъ будетъ! она и вѣритъ, и поступаетъ, какъ слѣдуетъ. Всѣ эти отвѣты хранились у нея бережно.

1) Что ожидаетъ Петра, женитьба или монастырь? О чемъ думаетъ Петръ?

Отв. Я не думала и не гадала ни о чемъ во свѣтѣ тужить. А когда пришло времицко взяла грудь тамить. Нѣсте подъ лексомъ, (закономъ), но подъ благодатію.

2) Идти ли ей въ монастырь?

Отв. Цорная риза ни спасаетъ, а альпа (бѣлая) риза у ереси нѣ уводитъ. Будьте мудри, яко ехидны и цели, яко колюмпы (голуби) и нетлѣненъ яко арпорс (деревья) кипариси, и пѣвки и кедри... 185д рока, мензисъ (мѣсяцъ) іулія XXII. Студентъ

	холодныхъ водъ Іоаннусъ Іяковлевъ.
3) Скороли получитъ мѣсто рабъ божій Николай? (семинаристъ).	Отв. Во вселія (т. е. въ селы), Господи во мѣста свѣта и прохлады и нетлѣнія и безъ врежденъ и безъ худыхъ волей.
1. Женится ли Х?(*)	Отв. Безъ працы не бенды кололацы (sic).
2) Выду ли я за мужъ?	Отв. Это хитрая штука въ своей силѣ, что въ ротъ носили.
3) Когда А. поѣ-	Отв. А. (имя) духъ

(*) Всѣ слѣдующія письма принадлежатъ дамѣ, которая ведетъ переписку съ Иваномъ Яковлевичемъ со времени своего выхода изъ Екатерининскаго Института.

детъ въ Петрбургъ?	сокрушенный во храмѣ Соломона молитвы дѣдъ.
4) Продадутъ ли деревню?	Отв.Не продадутъ.
5) Скоро ли Х. разбогатѣетъ?	Отв. Не скоро, а животи здорово!
6) Продастся ли деревня?	Отв. Никогда.
7) Любитъ ли А—у Н—й?	Отв. Н—й любитъ Екатерину.
8) Что мое дѣло?	Отв. Воды льются всюду, но не равны всѣ сосуды.
9) Богато ли будетъ жить раба А?	Отв. Богъ богатъ, надо думать, что будетъ богата и Клеменція (clementia).
10) Ѣхать ли А—у этою зимою въ Петербургъ?	Отв. Какъ вамъ угодно.

11) Скоро ли А. получитъ должность?	Отв. Не скоро, а животу здорово.
12) Будутъ ли мнѣ рады въ Петербургѣ?	Отв. Богъ лучше радуется о спасеніи бреннаго человѣка, нежели 9—10 праведныхъ соспасенныхъ (sic).
13) За кого выдетъ дѣвица А. замужъ?	Отв. За Іосифа.
14) Будетъ ли счаслива и богата?	Отв. Благополученъ.
15) Поправятся ли мои дѣла?	Отв. Господи, аще путь беззаконія отврати отъ его, а настави на путь нетлѣннаго живота.
16) Что ожидаетъ рабу А?	Отв. Міръ нетлѣнія
17) Чѣмъ кончится	Отв. Кто больше

въ сенатѣ у рабѣ А? (sic).	знаетъ, подавай тому свѣтъ Вивлае (библіи). Во Хирас. 1854 рока а мца Сентіу.
18) Не продадутъ ли деревню у рабѣ А. при ней ли останется?	Отв: нѣтъ
19) Счастливъ ли будетъ сынъ А. Александръ старшій, и кто онъ будетъ?	Отв. Пока счастіе прозябаетъ, полна друзей бываетъ, а когда щастіе проходитъ, тогда здѣ единъ другъ нѣ приходитъ. (Должно замѣтить, что московскій оракулъ пишетъ вмѣсто б—п, а потому вмѣсто *бываетъ*—у него: *пываетъ*).
20) Счастлива ли будетъ дочь ея, Анна *и кто она будетъ*?	Отв. Щастьлива.

21) Счастливъ ли будетъ Сергѣй *и кто онъ будетъ?*	Отв. Счастливъ.
22) Счастливъ ли будетъ Владиміръ и *кто онъ будетъ?*	Отв. Щастьливъ.
23) Счастливъ ли будетъ Николай и кто онъ будетъ?	Отв. Щастьливъ, а чинъ его архидіаконъ.
24) Батюшка, Иванъ Яковлевичъ! Скажи въ пользу ли рабы А. кончится дѣло въ Сенатѣ?	Отв. Половину дѣла той маетъ, кто доброй началъ обрѣтаетъ (sic).
25) Какъ раба А. будетъ жить счастлива ли? и богато ли?	Отв. Мирно и враждебно и спасительно будетъ жить.
26) Что ожидаеть рабу А?	Отв. Духъ Агіос.
27) Поправятся ли дѣла А?	Отв. Поправятся.

28) Поправятся ли дѣла рабы А?	Отв. Паправятся.
29) Велятъ ли выдать мнѣ проценты?	Отв. Въ мефу дать аргентъ (серебро) боится.
30) Что случится съ рабомъ Александромъ?	Отв. Александросъ Львос Филиппа Висилавсу Македону урбсу (sic).
31) Поправятся ли дѣла Александра?	Отв. Господи аще путь беззаконія отврати отъ его, а настави на путь нетлѣнія.
32) Что случится съ рабомъ Константиномъ?	Отв. Житіе а нѣ роскошная масленица.
33) Что случится съ рабою Екатериной?	Отв. Также. 1854 рока. А мца Януарія v дня.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ мнимыхъ чудесахъ покойнаго лже-пророка, записанныхъ въ Органонѣ князя Долгорукаго. Я наблюдалъ, говоритъ князь А. Долгоруковъ(*), за Иваномъ Яковлевичемъ въ Москвѣ, въ домѣ умалишенныхъ; вотъ одинъ случай, который убѣдилъ меня въ его прозерцаніи. Я любилъ одну А. — А. — А., которая, слѣдуя въ то время общей московской довѣренности къ Ивану Яковлевичу, отправилась къ нему для того, не предскажетъ ли ей чего-нибудь новаго; возвратившись оттуда, между прочимъ, разсказала мнѣ, что она цѣловала его руки, которыя онъ давалъ, и пила грязную воду, которую онъ мѣшалъ пальцами; я крѣпко разсердился и объявилъ ей формально, что если еще разъ поцѣлуетъ она его руку, или напьется этой гадости, то я до нее дотроги-

(*) Органонъ животнаго месмеризма. Соч. князя Алексѣя Долгорукова. Спб. 1860, стр. 301—303.

ваться небуду. Между тѣмъ, спустя недѣли три, она отправилась вторично къ нему, и когда онъ, по обыкновенію, собравшимся у него дамамъ, сталъ поочереди давать цѣловать свою руку и поить помянутою водою, то дойдя до нея отскочилъ, прокричавъ три раза: Алексѣй не велѣлъ; узнавъ это я рѣшился къ нему поѣхать и понаблюсти за нимъ; первая встрѣча моя была съ нимъ: какъ только я взошелъ, онъ отвернулся къ стѣнѣ и началъ громко про себя говорить: Алексѣй на горѣ стоитъ, Алексѣй по тропинкѣ идетъ узенькой, узенькой; холодно, холодно холодно, у Алексѣя не будетъ ни раба ни рабыни, ноги распухнутъ; Алексѣй помогай бѣднымъ, бѣднымъ, бѣднымъ. Да, когда будетъ Алексѣй божій человѣкъ, да...когда съ горъ вода потечетъ, тогда на Алексѣѣ будетъ крестъ. Признаться сказать, эти слова во мнѣ запечатлѣлись, и послѣ этого я выучился тремъ мастерствамъ; хотя мнѣ и объясняли эти слова ясновидящія и высокія, но однако день Алексѣя Божія человѣка я не-

равнодушно встрѣчаю. Изъ наблюденій надъ нимъ, я утромъ болѣе находилъ въ немъ созерцанія и многія такія откровенныя вещи онъ открывалъ, что самому высокому ясновидцу только можно прозерцать; въ другихъ же иногда цѣлыми днями онъ пустяки городилъ. Говорилъ онъ всегда иносказаніями (*).

Не задолго до своей смерти Иванъ Яковлевичъ написалъ къ одному лицу въ Москвѣ слѣдующее письмо, которое издается здѣсь съ необходимыми пропусками:

«..... Іоаннъ Яковлевичъ оттенокъ нетлѣн-

(*) Онъ прежде никогда не говѣлъ; одинъ купецъ, мнѣ знакомый, имѣющій пять человѣкъ дѣтей, каждый постъ ѣзжалъ его уговаривать и всегда получалъ отвѣтъ: «у тебя буду говѣть». Въ холеру разомъ купецъ потерялъ жену и дѣтей и съ горя постригся въ монахи; на другой день посвященія его въ іеромонахи, Иванъ Яковлевичъ вдругъ сталъ плакать и просить привести изъ такого-то монастыря такого-то. Мы всѣ въ немъ узнали бывшаго купца и онъ у него исповѣдался и пріобщился. Прим. *князя Долгорукаго.*

наго свѣта тышетъ къ лучю нетлѣннаго свѣта безсмертнаго луча и свѣта.... на бренной землѣ.... свѣтъ міру, а лучь православный на земли и на водахъ ей витійствуетъ Духъ, да почіетъ свѣтъ отъ трудовъ своихъ; не привѣтствуя Васъ.... какъ всегда готоваго для всемірной славы, тако міръ благовѣствую. Болѣе гораздо квадратныхъ лѣтъ ради Бога съ его народами тружусь у печки на двухъ квадратныхъ саженяхъ. Кто ищетъ царствіе небесное нудится, а нуждницы восхищаютъ. Блогодарю создателю моему, что онъ меня пораженнаго болѣзнями не отринулъ, послалъ изцѣленіе. Ты Господи вся стихіею сотворилъ еси; Души праведныхъ въ руцѣ Божіи, отъ нетлѣннаго Свѣта бренный свѣтъ питается..... обратите милостивое Ваше вниманіе на Ивана Яковлевича, исходатайствуйте ему свободу изъ больницы на чистый прохладный безболѣзненный воздухъ къ родной племянницѣ моей діакониці Маріи въ село Петровское, за таковое Ваше милосердіе воздастъ вамъ Богъ и Господь и Духъ Святый воздаяніе во еди-

ной Троицы славимый? Аминь.» Дѣйствительно, по этому письму хотѣли Ив. Яковл. выпустить изъ безумнаго дома, но когда ему объявили это, то онъ сказалъ, что итти никуда не хочетъ, а тѣмъ болѣе въ адъ.—

«Находившійся въ Преображенской больницѣ Иванъ Яковлевичъ Корейша, сего Сентября 6-го числа въ четвертомъ часу по полудни, скончался; отпѣваніе тѣла имѣетъ быть въ Воскресенье 10-го числа, въ 10-мъ часу утра, въ приходской, что въ Екатерининскомъ Богадѣленномъ домѣ, церкви, а погребеніе въ Покровскомъ монастырѣ.» Таково было извѣстіе, которое въ одно утро Москва прочла въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ. Иванъ Яковлевичъ умиралъ. Недѣли за три до смерти, уста его смолкли для пытливыхъ посѣтителей, которые уже безплатно входили къ нему въ комнату, наблюдали за его предсмертными вздохами и выходили отъ него съ грудою нерѣшенныхъ вопросовъ. Изъ его предсмертныхъ особенныхъ дѣйствій извѣстно, что за-

восемь дней до смерти онъ приказалъ купить восемь окуней и сварить ушку. Покушавъ немного рыбки, онъ дальнѣйшее истребленіе ухи отложилъ до утра; потомъ, разъ ночью, выдвинулся онъ на средину комнаты и легъ ногами къ образамъ, какъ прилично покойнику, но внимательными заботами проснувшагося сторожа положенъ былъ на прежнее мѣсто, въ уголъ къ печкѣ. Наконецъ, стукнулъ роковой часъ, и Ивана Яковлевича не стало. Скорбная вѣсть о смерти его быстро пронеслась по всѣмъ концамъ Москвы; множество поклонниковъ спѣшило къ нему изъ-за Яузы, изъ Таганки, изъ-за Москворѣчья, и всѣ несли ему уксусу, спирту, духовъ, маслъ для умащенія его тѣла. Два дня стоялъ онъ въ своей комнатѣ, и масса народа не отходила отъ него, прикладывалась къ нему и помазывала его для уничтоженія появившагося зловонія. Благоразумные же поклонники, опасаясь, что отъ усерднаго натиранія трупъ окончательно испортится, сочли нужнымъ вынести его въ часовню. Назначено

было его хоронить въ Воскресенье, какъ и объявлено было въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», и въ этотъ день, чѣмъ свѣтъ, стали стекаться къ нему почитатели; но погребеніе не состоялось за возникшимъ споромъ, гдѣ именно его хоронить. Говорятъ, что чуть не дошло до драки, а брань ужь была и порядочная. Одни хотѣли везти его въ Смоленскъ на мѣсто его родины, другіе хлопотали, чтобъ онъ былъ похороненъ въ мужскомъ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ даже вырыта была для него могила подъ церковью, третьи умиленно просили отдать его прахъ въ женскій Алексѣевскій монастырь, а четвертые, уцѣпившись за гробъ, тащили его въ село Черкизово, гдѣ у покойнаго осталась племянница въ замужствѣ за діакономъ, который поэтому и нажилъ себѣ благодѣтелей. На послѣдней сторонѣ больше всего было силы, и она одолѣла. Изъ опасенія, чтобъ не украли тѣло Ивана Яковлевича, стоявшее въ часовни, сначала приставили къ нему сторожа, а потомъ внесли въ церковь, откуда уже никакъ нельзя

было его украсть. Во все это время шли дожди, и была вездѣ страшная грязь, но, несмотря на то, во время перенесенья тѣла изъ квартиры въ часовню, изъ часовни въ церковь, изъ церкви на кладбище, женщины, дѣвушки, барышни въ кринолинахъ падали ницъ, ползали подъ гробомъ, ложились по дорогѣ, чтобъ надъ ними пронесли гробъ. Принесли его въ церковь. Три кружки, стоявшія зачѣмъ-то у гроба, быстро наполнились деньгами, и затѣмъ деньги посыпались въ гробъ. Не мало было явленій. На другой день послѣ смерти Ивана Яковлевича явился живописецъ (называютъ одного профессора живописи) снять съ покойника портретъ, но только что онъ хотѣлъ приняться за работу, какъ у покойника тотчасъ начали вспухать глаза, губы стали вздуваться, и всѣ рѣшили, что Ивану Яковлевичу вѣроятно не угодно, чтобъ съ него снимали портретъ, и портретъ такъ и не снимали. Умеръ онъ отъ водяной, но совершенно не это было причиной того, что его разнесло и изъ гроба текло. Вотъ от-

чего это сдѣлалось, какъ разсказываютъ: какой-то католикъ, лекарь, прикоснулся рукой къ головѣ Ивана Яковлевича, и это такъ оскорбило покойника, что онъ, не желая вновь испытать какое нибудь нечистое прикосновеніе, рѣшился лучше испортиться. Еще при жизни Ивана Яковлевича, когда онъ лежалъ недвижимъ, а изъ подъ него текло, служителямъ велѣно было посыпать полъ пескомъ. Этотъ-то песокъ, намоченный изъ подъ Ивана Яковлевича, поклонницы его собирали и уносили домой, и *песочикъ отъ Ивана Яковлевича* сталъ оказывать врачебную силу. Когда же умеръ онъ, то многіе приходили издалека и покупали песочикъ у сторожей. Песочикъ сталъ истощаться, а цѣна ему возростала, и вотъ прозорливые сторожа носили песокъ со двора, мочили его ужъ изъ подъ себя, и продавали, но, несмотря на все это, сила въ *песочкѣ* оставалась таже самая. Одна изъ такихъ-то поклонницъ, купившая *песочикъ*, вылечила имъ своего сына, ребенка. Разболѣлся у ребенка

животикъ, мать и дала ему въ кашкѣ положечки *песочку*, и ребенокъ выздоровѣлъ. Вату, которой заткнуты были у покойника носъ и уши, послѣ отпѣванія дѣлили на мелкіе кусочки. Наконецъ, многіе приходили къ гробу съ пузырьками и собирали въ нихъ ту влагу, которая текла изъ гроба. Должно думать, что и эта влага будетъ оказывать цѣлебное дѣйствіе на дѣтей. Срачицу, въ которой умеръ Иванъ Якозлевичъ, разорвали на кусочки. Пришли солдаты его обмывать, но женщины вытолкали солдатъ вонъ, какъ недостойныхъ, и сами его обмыли, и ту воду, которой обмывали, тутъ же выпили. Поэтому-то у пишушаго сіи строки есть и *песочикъ* и *кусочикъ срачицы*, но воды нѣтъ. Во все время, пока тѣло стояло, ежеминутно служили панихиды. На могилѣ въ день похоронъ, говорятъ, было отслужено до семидесяти панихидъ, за что причетники получили до 400 р., неизвѣстно только, ассигнаціями или серебромъ. По отпѣваніи прикладывались только къ рукамъ покойника, которые б —

спущены изъ гроба, самъ же онъ былъ весь закрытъ, и прикладывались такъ долго, такъ усердно, что, казалось, конца не будетъ. Гробъ до самой могилы несли мущины и женщины. Хоронили его на счетъ Г. Заливскаго хотя онъ и католическаго вѣроисповѣданія. (См. въ Сѣв. Пч. о похор. И. Як.) Этотъ же самый г. Заливскій хоронилъ и Семена Митрича. Ко времени выноса изъ церкви собрались *уроды*, *юроды*, *ханжи*, *странники*, *странницы*. Въ церковь они не входили, за тѣснотой, и стояли на улицѣ. И тутъ-то среди бѣлаго дня, среди собравшейся толпы, дѣлались народу поученія, совершались будто бы явленія и видѣнія, изрекались мнимыя пророчества, хулы, собирались деньги, издавались зловѣщія рыканія, и пр. и пр. (*).

(*) Г. Скавронскій въ «Очеркахъ Москвы» указываетъ еще нѣсколько особенностей погребенія Ивана Яковлевича. Въ продолженіе пяти дней его стоянія отслужено болѣе двухъ сотъ панихидъ; псалтырь читали монашенки и отъ усердія нѣкоторыя дамы

Неутѣшная толпа прямо съ похоронъ пошла въ безумный домъ, и вѣнчала тамъ на мѣсто Ивана Яковлевича новаго юродиваго, который уже лежалъ на его мѣстѣ, испивъ малую толику отъ заупокойныя чаши.

Новый юродивый, еще при жизни Ивана Яковлевича писавшій записочки, сгоряча говоритъ неуставая, говоритъ много, но совершенно безотносительно къ нуждамъ посѣ-

---

покойника безпрестанно обкладывали ватой и брали ее назадъ съ чувствомъ благоговѣнія; вату эту даже продавали; овесъ игралъ такую же роль; цвѣты, которыми былъ убранъ гробъ, разхватаны въ мигъ; нѣкоторые изувѣры, по увѣренію многихъ, отгрызали даже щепки отъ гроба. Бабы провожали гробъ воемъ и причитаніями: «на кого ты насъ батюшко, Иванъ Яковлевичъ, оставилъ, покинулъ сироти-нушекъ (это слово пѣлось и тянулось такимъ тономъ, что звенѣло въ ушахъ), *кто насъ безъ тебя отъ всякихъ бѣдъ спасетъ, кто на умъ разумъ наставитъ ба-тю-шка-а-а*?» Многія ночевали около церкви. Могила выстлана камнемъ на подобіе пещеры... Долгое время на могилѣ служили до двадцати панихидъ въ день... (Очер. Москвы, стр. 212).

тителей, и все больше о политическихъ неустройствахъ, до которыхъ никому дѣла нѣтъ. И поклонники умершаго пророка, скорбя о невозвратной ихъ потерѣ, никакъ не могутъ забыть стараго лже-пророка. Московскія купчихи завертываютъ въ дорогія турецкія шали свѣчи и ладонъ, ѣдутъ на могилу Ивана Яковлевича, и, отдавая тамъ свои дары, говорятъ: свѣчи и ладонъ *нашему батюшкѣ*, а шаль священнику.

СТИХЪ

НА ПОХОРОНЫ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА.

Какое торжество готовитъ *желтый домъ*?
Зачѣмъ текутъ туда народа волны
Въ телѣгахъ и въ лондо, на дрожкахъ и пѣшкомъ,
И всѣ сердца тревоги мрачной полны?

От Прѣсни, отъ Щипка, къ Сокольникамъ стремясь,
По улицамъ великія столицы,
Бѣгутъ, поднявъ хвосты, разбрызгивая грязь,
Всѣхъ кумушекъ московскихъ вереницы:
И слышится межь нихъ порою смутный гласъ,
Исполненный сердечной, тяжкой боли:
«Иванъ Іаковличъ безвременно угасъ!
Угасъ пророкъ, достойный лучшей доли!»
О, бѣдные! мнѣ вашъ понятенъ вопль и стонъ;
Кто будетъ васъ трепать немытой дланью?
Кто будетъ мило такъ дурачить васъ, какъ онъ,
И услаждать вашъ слухъ своею бранью?
Кто будетъ васъ кормить бурдою съ табакомъ
Изъ грязнáго, вонючаго сосуда,
И лакомить подъ-часъ засохшимъ кренделькомъ,
Иль кашицей съ засаленнаго блюда?
Ахъ, этихъ прелестей вамъ больше не видать!
Его ужь нѣтъ! и съ горькими слезами
Спѣшите вы ему послѣдній долгъ отдать

Со всѣхъ концовъ Москвы несмѣтными
толпами....
Того ужь нѣтъ, къ кому полвѣка напролетъ
Питали вы въ душѣ благоговѣнье,
И, въ слѣпотѣ, всему, что сдуру ни совретъ,
Давали вы глубокое значенье.
Да, плачьте, бѣдные, о томъ, кого ужь нѣтъ,
Кто дорогъ былъ равно для малыхъ и
великихъ;
Но плачьте и о томъ, что просвѣщенья свѣтъ
Еще не озарилъ понятій вашихъ дикихъ!

СЕМЕНЪ МИТРИЧЪ.

Сравнивая Семена Митрича съ Иваномъ Яковлевичемъ, мы находимъ въ послѣднемъ великаго древне-русскаго философа и мыслителя, неимѣющаго, повидимому, ничего общаго съ первымъ; но они родные другъ другу, и только Семенъ Митричъ нѣсколько поотровеннѣе Ивана Яковлевича. Если Иванъ Яковлевичъ валяется на полу въ пыли, въ грязи, въ салѣ, то Семенъ Митричъ—это просто масса живой грязи, въ которой даже не различишь, человѣческій ли это образъ или животный. Было въ Москвѣ одно купеческое семейство, состоявшее изъ отца и сыновей; жили они хорошо, но, по смерти отца, сыновья поссорились, раздѣлились; при раздѣлѣ одинъ обманулъ другаго, и вотъ начали жить они отдѣльно, проклиная

другъ друга. Одинъ изъ братьевъ скоро умеръ, успѣвъ отдать свою дочь въ Никитскій монастырь, гдѣ она жила до послѣдняго времени, а другой, весь прожился, сталъ юродствовать и, наконецъ, сдѣлался *Семеномъ Митричемъ*. Въ славу онъ вошелъ на Смоленскомъ рынкѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Прежде, онъ все зимой бѣгалъ на рѣку умываться, бѣгалъ босой и въ одной рубашкѣ, потомъ засѣлъ дома и началъ предсказывать. Послѣднія 25-ть лѣтъ жилъ онъ постоянно на одной квартирѣ у Николы на Щепахъ, въ домѣ купца Чамова, гдѣ и умеръ. Идя къ нему, надо было, войдя въ вороты, пройти черезъ грязный переулокъ на заднемъ дворѣ, спуститься въ подземелье, и тутъ направо была кухня, гдѣ онъ жилъ. Кухня—въ родѣ подвала со сводомъ; прямо русская печь; направо окно и стѣна, уставленная образами, съ горящими лампадами; налѣво въ углу лежитъ на кровати Семенъ Митричъ; возлѣ него лахань; въ подвалѣ мракъ, грязь, сырость, вонь.... Онъ прежде все лежалъ на

печи, потомъ легъ на постель, съ которой ни разу не вставалъ въ продолженіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ. Тутъ, лежа на постели, совершалъ онъ всѣ отправленія; прислуживавшая ему женщина одѣвала и раздѣвала его, иногда раза по два мыла его и перемѣняла у него бѣлье. «Если же не доглядишь», разсказывала она: «такъ онъ и лежитъ».... «А то,» прибавляла другая, «ручку бывало замараетъ: ты подойдешь къ нему, а онъ тебя и перекреститъ». Вотъ это-то и было уСемена Митрича *великимъ подвигомъ*, поэтому-то и онъ считался *великимъ подвижникомъ*! Церкви, по обыкновенію, онъ не зналъ: Богу не знамо когда молился, говорили мнѣ у него. Вотъ Иванъ Яковлевичъ—тотъ великій философъ. Онъ бывало и *отъ писаній* скажетъ, и эллинской премудрости научитъ, и табачекъ освятитъ, а Семенъ Митричъ ничего этого не зналъ. Во-первыхъ, онъ не любилъ, чтобъ его спрашивали о чемъ нибудь. Спроси его кто нибудь о женихѣ, или о пропажѣ, или, какъ одна барыня, спросила, *куда убѣжала ея дѣвка*? онъ или обо-

льетъ помоями, или какою нечистью обдастъ. Для полученія отъ него отвѣта *нужно было только подумать*, а онъ и скажетъ. «Святой былъ человѣкъ!» прибавляла разкащица. Да и говорилъ онъ, не ухищряясь, какъ велемудрый Иванъ Яковлевичъ, а просто, что ему взбредетъ на умъ: «доска», «полѣно», «воняетъ», «вши» и т. п., а почитательницы-то его чадъ каждымъ такимъ словомъ и ломаютъ голову, отыскивая его таинственное значеніе. Богатая купчиха изъ Рогожской выдавала дочь замужъ и пріѣхала спросить у Семена Митрича: что женихъ? выдавать ли дочь? и т. п. Вошла и сѣла она, а онъ и говоритъ: «доски»!—«Что это за доски»? спрашиваетъ купчиха: «какія у меня доски! у меня все сундуки, набитые шелкомъ да бархатомъ.»—«А мы отвѣчаемъ ей», говорила мнѣ разкащица: «что не знаемъ,» а сами думаемъ: какъ не знать? извѣстно, что значитъ «доска,»—гробъ».—Такъ вѣдь и сдѣлалось: дочь-то у купчихи умерла....Сталъ онъ—Семенъ Митричъ—приближаться къ кон-

чинѣ. Исповѣдался, причастился и масломъ особоровался, и за день до Новаго года (1861) преставился. «Хорошо онъ умеръ?» спрашиваю я. «Ахъ, такъ-то хорошо! такъ-то хорошо! Да кому жъ и умирать такъ, какъ, не великимъ подвижникамъ!» Еще во время болѣзни навѣщали его купчихи, барыни, княгини, графини. Которая сама не пріѣдетъ, та дѣвку или лакея пришлетъ: «что, какъ Семенъ Митричъ?» Больше всего бывали у него штабсъ-капитанъ З—ій, да его супруга, изъ купеческаго рода: то одинъ пріѣдетъ, то другая. Хоронилъ его г. З—ій. Положили его въ дорогой гробъ; за который дали двадцать восемь рублей. Пока еще стояло тѣло, панихиды не прекращались съ утра до ночи: отслужили одну, сейчасъ же просятъ другую. Обѣдню во время отпѣванія служили соборнѣ: протоіерей, два священника, три дьякона, и пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Говорили, будто *одинъ человѣкъ* очень сердился, что ему не сказали про смерть Семена Митрича: тогда, говорила ранацица, не столько было бы духовенства!

Другіе же, какъ только узнали про его смерть, тотчасъ начали стекаться изъ разныхъ мѣстъ. Стеченіе народа было страшное! Дворъ постоянно былъ полонъ; гдѣ лежало тѣло, туда уже нельзя было и пролѣзть. Все имущество Семена Митрича растащили на память и изъ почтенія, и теперь берегутъ гдѣ нибудь.... Одинъ тащилъ его подушку, другой какую нибудь его тряпицу, третій ложку, которою онъ ѣлъ, четвертый его опорки.... и т. д. Всѣ образа взялъ, съ разрѣшенія священника, Иванъ Степановичъ, живущій на Пахрѣ, о которомъ мы ниже будемъ говорить. Хоронили его на четвертый день, но многіе сердились, зачѣмъ такъ скоро его хоронятъ. Переулки, примыкавшіе къ дому, гдѣ жилъ Семенъ Митричъ, церковь,—все это захлебнулось народомъ. Въ церкви, во время обѣдни, у гроба его стояла стѣна народу; всѣ лѣзли, кто приложиться, кто только чтобъ до него дотронуться.... И эти стѣны народа, окружавшія гробъ, по окончаніи отпѣванія, сдвинулись и подняли гробъ и понесли его на Ва-

ганьково кладбище. Впереди всей процессіи скакалъ *неизвѣстный никому* юродивый босикомъ и въ черной рубашечкѣ. Скачетъ, скачетъ, остановится, три раза поклонится гробу, и снова скачетъ. Потомъ несли образъ, шли пѣвчіе, духовенство, плотная масса народа *на головахъ* несла гробъ, слѣдовали другія массы народа; ѣхали экипажи.... На кладбищѣ *ревнителями* было устроено обильное угощеніе. Разошлись поздно.

ДАНИЛУШКА КОЛОМЕНСКІЙ.

Онъ изъ крестьянъ. Исторія жизни его печальна и трогательна—это исторія того, какъ у насъ падаютъ и замираютъ сильныя натуры.

Данила Ивановичъ, или, по-просту, Данилушка, уроженецъ Московской Губерніи, Коломенскаго Уѣзда, села Лыкова, принадлежавшаго Б. Онъ сынъ лыковскаго крестьянина Ивана Ефремова, мужика богатаго, и закоренѣлаго раскольника, который считался первымъ начетчикомъ и исполнителемъ разныхъ обрядовъ, имѣлъ у себя *моленную*, гдѣ попомъ была его жена, мать Данилушки. Она постоянно пребывала въ моленной, собравъ около себя старухъ, читала имъ писанія и толковала, и за то всѣми была уважаема. Село Лыково раздѣлялось на двѣ слободы

и обѣ слободы ходили молиться къ Ивану Ефремову; ему же отцы поручали своихъ дѣтей, товарищей Данилушки. Но эти товарищи ему не нравились, какъ вѣроятно, не нравился и тотъ мрачный духъ, который господствовалъ въ домѣ его отца, и Данилушка выросталъ одиноко. Никогда онъ не игралъ съ дѣтьми изъ своей слободы, а лѣтъ съ десяти сталъ ходить въ другую слободу, называемую Бутырки, гдѣ не было *ни одного раскольника*, и охотно игралъ съ тамошними мальчиками. Игра деревенскихъ мальчиковъ, обыкновенно, бабки. Данилушка, наигравъ у мальчиковъ бабокъ, имъ же ихъ потомъ и продавалъ; игралъ же онъ лучше всѣхъ, не смотря на то, что былъ очень близорукъ. Когда ему было лѣтъ двѣнадцать, искусство его играть въ бабки дошло до чрезвычайности: онъ одинъ всѣхъ обыгрывалъ, и мальчишки покупали бабки неиначе, какъ у него. Такимъ образомъ, оборотъ маленькаго капитала Данилушки шелъ быстро: у него въ недѣлю скоплялось до 30 к. сер.; но эти деньги онъ

никогда не носилъ домой, а отдавалъ ихъ на сбереженіе бутырскому мужику Герасиму, церковному старостѣ. Герасимъ любилъ мальчика за сиротливость, давалъ ему ужинать, оставлялъ его у себя ночевать; и мальчикъ полюбилъ его, и просился у него жить, потому-что дома ему приходилось плохо: отецъ больно билъ его, за нехожденіе въ молельню. И Герасимъ, наконецъ, взялъ къ себѣ Данилушку, сталъ *пріучать* его къ церкви, т. е., брать постоянно съ собой, или посылать, вмѣсто себя, къ ящику, заставлялъ его въ свободное время, становиться на клиросѣ и пѣть по-слуху, потому что, какъ мы уже сказали, Данилушка былъ близорукъ и не могъ учиться грамотѣ. Мало-по-малу Данилушка привыкъ къ церкви, въ продолженіе какихъ-нибудь 8-ми или 10-ти мѣсяцевъ выучилъ нѣсколько тропарей, и прислушиваясь, подпѣвалъ дьячку. Между тѣмъ, отецъ Данилушки сердился, ходилъ браниться съ Герасимомъ, и жаловался на него барину, что онъ держитъ его сына. Герасимъ спряталъ

мальчика, сказавъ, что онъ ушелъ, неизвѣстно куда; а баринъ, какъ только узналъ, что это мальчикъ смирный и добрый, взялъ его къ себѣ въ домъ. Съ этого времени Данилушка окончательно возненавидѣлъ своего отца и ужъ больше у него не жилъ. Баринъ сдѣлалъ Данилушку слугою, сталъ его одѣвать, обучать, и хотѣлъ даже снова начать учить его грамотѣ. И вотъ въ будни Данилушка служилъ въ барскомъ домѣ, а по праздникамъ продолжалъ ходить на клиросъ и служить въ алтарѣ. Но ему скоро надоѣло ходить обутымъ въ сапоги. Съ недѣлю походилъ онъ въ барской одежѣ и сапогахъ, а потомъ и то и другое скинулъ и принесъ барину, сказавъ, что ходить въ этомъ не можетъ, потому-что все падаетъ. Убѣжденный откровеннымъ признаніемъ Данилушки, баринъ позволилъ ему не носить сапоговъ, кромѣ воскресныхъ дней; но для него и это было тяжело. Въ первое же воскресенье онъ поднесъ барину, въ церкви, сапоги, и сказалъ: какъ хотите, а сапоги не надѣну. Съ этихъ

поръ Данилушка ужъ больше никогда не носилъ сапогъ, а потомъ освободился и отъ барской службы. Въ праздникъ и въ будни, онъ постоянно пребывалъ въ церкви, а когда не бывало службы въ селѣ Лыковѣ, то бѣгалъ въ сосѣднія селы, за двѣ, за три и за пять верстъ. На дворѣ, бывало, темно еще, а Данилушка бѣжитъ куда-нибудь къ заутрени, и какъ бы рано она не началась, а онъ ужъ, вѣрно, поспѣетъ къ самому началу. И не останавливалъ его никакой морозъ, хоть бы въ тридцать градусовъ: рѣшительно въ одной рубашкѣ, по колѣна въ снѣгу, по оврагамъ и полямъ бѣжитъ онъ къ заутрени, въ село Новое, или Семеновское. Сначала Данилушка больше всего ходилъ въ село Новое: оно отъ Лыкова на разстояніи версты, не болѣе. Потому ли онъ ходилъ въ новинскую церковь, что близко, или ему нравилась тамошняя служба—Богъ его знаетъ, но только тамъ постоянно его видали, и раньше всѣхъ. Если, случалось, придетъ онъ раньше благовѣста, то зайдетъ

въ ближайшую крестьянскую горенку, и тамъ дожидается, пока заблаговѣстятъ. А заходилъ онъ больше всего къ старику скотнику Герасиму, который съ 9-ти лѣтъ постоянно состоялъ при храмѣ Божіемъ, и зналъ отлично весь порядокъ службы. Какъ скоро ударятъ въ колоколъ, сейчасъ Данилушка и начнетъ надоѣдать дядѣ Герасиму, чтобъ шелъ скорѣе въ церковь, и когда они придутъ и станутъ на клиросъ, *дядя Герасимъ* даетъ Данилушкѣ тонъ, какъ пѣть, и Данилушка, прислушиваясь къ нему, подтягиваетъ. Такъ нѣсколько времени ходилъ онъ въ эту церковь, и вдругъ что то ему не понравилось, и онъ началъ ходить въ другое село—Шкинь въ 4 верстахъ отъ Лыкова. Шкинскій церковный староста, человѣкъ съ состояніемъ и благочестивый, увидя въ Данилушкѣ особую ревность къ церкви, пригласилъ его къ себѣ жить; а у него, на то время, умеръ баринъ, отецъ же отъ него отступился, такъ-что онъ былъ вполнѣ свободенъ. Оставшись у шкинскаго старосты,

Данилушка получалъ отъ него красныя рубашки, постоянно ходилъ въ церковь, и еще усерднѣе обыгривалъ въ бабки мальчиковъ, и больше носилъ домой денегъ. Мы видѣли выше, какъ Данилушка, съ ранняго дѣтства, искалъ нравственной свободы и простора жизни. И вотъ, теперь, онъ былъ вполнѣ свободенъ, но выхода, какъ и прежде, у него никуда не было, и онъ сталъ снова тяготиться своей свободой, снова бѣжалъ чего-то искать, но духъ его не былъ уже чистъ, какъ прежде: онъ много потерялъ съ того времени, какъ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, въ первый разъ убѣжалъ играть въ чужую слободу.... онъ уже становился *лже-юродивымъ*. Около четырехъ лѣтъ, онъ прожилъ у шкинскаго старосты, и потомъ ушелъ въ Коломну, гдѣ его приняли какъ настоящаго юродиваго. Тамъ ходилъ онъ по улицамъ, по церквамъ; ему давали денегъ; онъ деньги бралъ, опускалъ ихъ за пазуху, и вечеромъ относилъ въ свою квартиру, которая прежде была въ домѣ почетнаго гражданина К., а

потомъ у Ш. По прошествіи недѣли навѣщалъ его шкинскій староста, обиралъ у него деньги и увозилъ къ себѣ въ церковь, гдѣ, въ непродолжительное время, накопились цѣлыя кучи мѣдныхъ денегъ. А Данилушка продолжалъ ходить по городу, собирать деньги, да шутить съ купцами. Если кто былъ толстъ, то Данилушка, потрепавъ его по плечу, говорилъ: «эй ты, кошолка!» Одного онъ называлъ *синимъ*, другаго *звонкимъ*. Если они наоборотъ, смѣясь, говорили ему: «Данила ноги-то отморозилъ,» то онъ отвѣчалъ: «самъ отморозилъ,» и заложивъ руки на спину— его обыкновенная походка—продолжалъ идти далѣе и напѣвать про себя: *о всепѣтая мати*, или: *милосердія двери отверзи*. Такъ, живя нѣсколько лѣтъ въ Коломнѣ, онъ успѣлъ столько собрать денегъ, что выстроилъ въ Шкини колокольню, самую церковь расписалъ внутри и снаружи, слилъ туда два колокола, одинъ въ 300 слишкомъ пудъ, а другой въ 150. Воспитаніе Данилушки, совершавшееся въ средѣ купцовъ и благочестивыхъ купчихъ,

шло впередъ—и вотъ онъ началъ предсказывать. Разсказываютъ, будто Данилушка три раза предсказывалъ пожаръ въ Лыковѣ, а въ третій разъ сказалъ, что Лыково сгоритъ *въ великую субботу*, а вмѣстѣ сгоритъ и его отецъ, что и сбылось. Въ селѣ былъ огромный пожаръ, и отецъ Данилушки, увидя что горитъ его домъ, побѣжалъ взять деньги въ свѣтелкѣ, но пламя его охватило, и онъ сгорѣлъ. Не жилось въ Коломнѣ Данилушкѣ, и онъ ходилъ въ Москву, и жилъ здѣсь, безъ сомнѣнія, въ Замоскворѣчьи, гдѣ и получилъ окончательное воспитаніе въ домахъ богатыхъ купцовъ. Но въ Москвѣ Данилушкѣ, почему-то не пожилось, и онъ опять ушелъ въ Коломну, къ любезнымъ. ему почетнымъ гражданамъ его приснопамятнаго города. И коломенскіе купцы такъ любятъ Данилушку, что за счастье всякій изъ нихъ считаетъ подать ему копѣйку, двѣ, даже гривну, потому-что, какъ они говорятъ, «*торговли нѣтъ*, если кто не успѣетъ подать ему утромъ, на починѣ». Калашники, выйдя утромъ на рынокъ, не

продаютъ свой товаръ до-тѣхъ-поръ, пока не пройдетъ Данилушка. Вотъ проходитъ мимо Данилушка, и беретъ у кого нибудь калачъ,— и тотъ купецъ, у котораго былъ взятъ калачъ считается счастливымъ, и покупатели рекомендуютъ его другъ-другу, говоря, что «нельзя не взять калача, самъ Данилушка взялъ— стало быть калачи хороши, да и продаетъ ихъ человѣкъ благочестивый, потому-что къ неблагочестивому Данилушка не пойдетъ.» Такъ, ходя по городу, изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу, и потакая всяческимъ вожделеніямъ жителей, Данилушка набираетъ множество денегъ, съ цѣлью, какъ говорятъ, построенія церквей. Умеръ въ Москвѣ лжеюродивый *Семенъ Митричъ*, и Данилушка былъ на его похоронахъ, и плясалъ въ церкви.

МАКАРЬЕВНА.

Она изъ иногородныхъ мѣщанокъ, жила прежде въ Зарядьи, а потомъ на Солодовкѣ, и теперь также пребываетъ гдѣ-то за Москворѣчьимъ, гдѣ такъ много пустосвятовъ и ханжей. Это баба лѣтъ сорока пяти, толстая, хорошо сложенная, лицо ея такъ и свѣтится покоемъ и беззаботностью. Называетъ она себя *вдовицей*, *странницей*, разсказываетъ, что обошла всѣ пустыни и монастыри и всю Палестину, и о томъ, какія ей бывали видѣнія. Ходитъ въ черномъ суконномъ шушунѣ съ широкими рукавами, подпоясана ременнымъ поясомъ; на головѣ у ней черная бархатная шапочка, но случается, что она распуститъ по плечамъ косу, такъ и ходитъ. Въ рукахъ

у ней огромная палка, которую она называетъ *жезломъ іерусалимскимъ*, или пучокъ свѣчей, а на шеи у ней надѣты четки съ большимъ крестомъ. Говоритъ иносказательно, благословляетъ и даетъ цѣловать свои руки. Ее очень часто можно встрѣтить въ рядахъ, гдѣ молодые прикащики, отъ нечего дѣлать,— обыкновенно перекидываются бранью и остротами съ чиновниками, офицерами и разными ханжами, собирающими подаяніе, въ томъ числѣ и съ матерью Ольгой. Очень не любитъ она, если кто нибудь ей скажетъ: «шла бы ты Ольга Макарьевна въ сидѣлки въ больницу, или на фабрику, въ артель въ кухарки; вѣдь труды-то Богъ любитъ.» На эти слова она непремѣнно отвѣтитъ такой бранью, что зажимай уши. А сама себя она называетъ *птицей небесной*, *голубицей оливаной*, и пользуется великимъ уваженіемъ между купчихами Таганки и Замоскворѣчья. Она необходимая принадлежность похоронъ, поминокъ, имянинъ, свадьбъ, отпуска невѣстъ подъ вѣнецъ, и т. п. На похоронахъ, и на помин-

кахъ она играетъ роль утѣшительницы, надѣваетъ на плачущихъ четки и крестъ съ себя, говоритъ разные подходящіе тексты изъ Св. Писанія; за столомъ садится всегда на первомъ мѣстѣ, между духовенствомъ, о раѣ и адѣ толкуетъ, и такъ положительно, какъ будто она тамъ была. Чисто—замоскворѣцкая купчиха, передъ свадьбой своей дочери, призываетъ Ольгу Макарьевну, и даетъ ей десять рублей, прося ее помолиться: «у меня Ольга Макарьевна, дѣло идетъ съ женихомъ: завтра Дунюшку будетъ женихъ смотрѣть,— помолися матушка!»—«Помолюсь,» отвѣчаетъ мать Ольга, помолюсь; всю ночь буду на молитвѣ стоять. Коли хорошій человѣкъ—такъ будетъ дѣло, а коли не хорошій такъ не будетъ.» На дѣвишникахъ она благословляетъ сундуки, куда будутъ класть приданое, и кладетъ туда кусочикъ хлѣба съ солью, или крендельки, въ каждой уголъ по одному, а также, серебряные пятачки. При отпускѣ невѣсты она собственноручно подвязываетъ ей *извѣстный карманъ* съ разнымъ снадобьемъ,

собираемымъ по различнымъ рецептамъ. Одинъ изъ славныхъ рецептовъ, такъ называемый *мячкинской*, по имени, знаменитой лѣкарки *Мячкинской*, собиравшей его въ свое время. По этому рецепту кладутъ въ карманъ: четверговую соль, богоявленскую свѣчку, свѣчку отъ Гурія, Самона и Авивы, корень петрова креста, деревянную палочку съ двѣнадцатью зарубками, маковую головку, кусочикъ хлѣба, булавку, иголку, розовую шелковинку и какое-то писаное заклинаніе отъ порчи. Многія до того въ нее вѣруютъ, что считаютъ ее способной изцѣлять болѣзни. Пріѣзжаетъ одна купчиха навѣстить другую, которая долго была больна, и говоритъ ей: «брось ты, матушка, лечиться у лекарей то, съѣзди-ка ты съ матушкой Ольгой Макарьевной въ баню помыться; она тебя потретъ, да почитаетъ надъ тобой, такъ смотри-ка, и будешь на другой день встрепанная. Вотъ Аѳимью Ивановну лечили-лечили, а толку ничего не было, а какъ съѣздила съ матушкой, да потерла она ее руками, такъ смотри какъ оздоровѣла.»

Особенно вдовы и молодыя жены, вдовицы и молодые мужья очень любятъ посѣщать ея квартиру, и, говорятъ, что очень пріятно слушать ея поученіе, что столько у ней образовъ, и столько у ней бываетъ разныхъ странниковъ—и странницъ!... Кругъ дѣйствій матери Ольги не ограничивается одной Москвой, она посѣщаетъ и Нижегородскую ярманку, и Ростовскую, и Полтавскую. Живетъ она подъ часъ весело; вечеркомъ любитъ кататься на извощикѣ лихачѣ и выбираетъ для этого, который помоложе и подюжѣе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она держала при себѣ дѣвушку. Однимъ она выдавала ее за дочь, а другимъ за воспитанницу, т. е. тѣмъ за дочь, которые знали ее за вдовицу, а тѣмъ за воспитанницу, которые считали ее голубицей. Дѣвушку эту она выдала замужъ въ Петербургъ и дала за ней тысячь на шесть серебромъ. И теперь, когда мать Ольга отъѣзжаетъ въ Петербургъ, она шапочку мѣняетъ на чепчикъ, шушунъ на солопъ; живетъ въ Петербургѣ припѣваючи, и когда

порастрясетъ свои капитальцы, возвращается въ Москву, снова облекается въ шушунъ и шапочку и отправляется на подвигъ спасенія замоскворѣцкихъ купчихъ.—

МАНДРЫГА.

Уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ Москвѣ какой-то испанецъ, человѣкъ неизвѣстно какой религіи; называется онъ Мандри, или, какъ его обыкновенно зовутъ, *Мандрыга*. Онъ занимается предсказаніями, угадываніемъ воровъ, говоритъ назидательныя поученія, и успѣлъ уже нажить себѣ хорошенькій домикъ. За Донскимъ Монастыремъ, стоитъ въ полѣ этотъ странный, одинокій домикъ, гдѣ живетъ Мандрыга. У воротъ стоятъ экипажи, а въ комнатахъ сидятъ дамы и дожидаются, когда выйдетъ гадатель. Комната украшена образами, предъ которыми на столикѣ лежитъ священная книга, чуть ли не Евангеліе, и здѣсь въ извѣстные дни происходитъ молебствіе Николай Ивановичъ Мандрыга служитъ

и читаетъ, какъ священникъ; всѣ допускаемые къ этому, обыкновенно исключительныя личности, очень близкія къ хозяину, умиленно слушаютъ чтенія, и молится. Комната сіяетъ въ образахъ, горятъ свѣчи, какъ въ церкви, Николай Ивановичъ кадитъ.... Онъ на видъ сухощавъ, невеликаго роста, съ блѣднымъ лицомъ, черноглазый, черноволосый, какими бываютъ очень часто итальянскіе фокусники. Многія барыни совершенно имъ очарованы, они жертвы его, и онъ дѣлаетъ изъ нихъ, что хочетъ.

НИКОЛАША ДУРАЧОКЪ.

Мало извѣстна намъ исторія этаго несчастнаго. Отецъ его, мужичекъ, былъ отданъ подъ *красную шапку*. Онъ имѣлъ жену, которая, безъ сомнѣнія, слыла солдаткой, и вотъ родился у нихъ сынъ. Сидя двое, отецъ и мать, думали, какъ бы имъ назвать сына, и рѣшились назвать его Николашей. И отецъ, услыхавшій первый крикъ своего ребенка, и эта мать, которая кормила его своею грудью, знали-ли они, что ихъ Николашу сдѣлаютъ дурачкомъ, что онъ будетъ потѣхой честному люду? Иль, можетъ быть, на Николашѣ отозвалась горькая участь, беременной имъ матери, когда его отца отдавали въ рекруты, а мать, какъ безумная, билась на улицѣ.... Но какія бы то обстоятельства ни сдѣлали солдатскаго сына дуракомъ—это были злыя

обстоятельства, они сдѣлали свое дѣло: съ насъ и этого довольно. Дурачка Николашу пріютила нѣкая богадѣльня, слывущая подъ именемъ Екатерининской и Матросской, извѣстная въ исторіи сосѣдствомъ Ивана Яковлевича, жившаго тутъ же возлѣ, въ такъ называемомъ *безумномъ домѣ*, хотя самый домъ сколько намъ извѣстно, совсѣмъ не безумный, а только биткомъ набитъ безумными. Но матросская богадѣльня, совершенно напротивъ, набита очень умными людьми, которые не только пріютили Николашу, но еще даютъ ему всѣ средства бѣгать по улицамъ и юродствовать, сколько ему угодно. Поистинѣ богоугодное заведеніе! По милости его Николаша служитъ потѣхой всей этой обширной стороны, которая извѣстна подъ именемъ Преображенскаго и Покровскаго. И, подумаешь, какъ это не стыдно живущему тамъ купечеству взвалить всѣ свои наслажденія, удовольствія и потѣхи на одного только Николашу! Извѣстно, что въ этой дальней, глухой и темной, хотя и очень промышленной сто-

ронѣ; нѣтъ ни театровъ, ни балагановъ, ни разныхъ другихъ удовольствій, которыми, по выраженію одной книги, дьяволъ пробавляетъ людей въ центрѣ города, и на всю эту сторону, теперь, послѣ Ивана Яковлевича только и остается одно удовольствіе—одинъ Николаша юродивый!.. Да туда бъ надо согнать съ цѣлаго міра тысячи юродивыхъ, чтобъ они на всѣхъ распутіяхъ, рынкахъ и площадяхъ—вереницами-бъ и толпами, словно черти передъ заутреней, плясали-бъ, скакали, выли и стонали, а благодѣтельное купечество, глядя на нихъ, надрывало-бъ свои животики.... Но Николаша одинъ и его просто заѣздили. На рынкахъ знаютъ его всѣ отъ мала до велика, всѣ отъ послѣдняго замараннаго и забитаго мальчишки съ фабрики до любаго его степенства на парѣ жирныхъ рысаковъ. Полупьгой мальчикъ, посланный по дѣлу, какъ ни дрожитъ отъ холоду, а непремѣнно остановится и подразнитъ Николашу; и въ то же время его степенство, воротившись отъ ранней, и распивая чаекъ съ супружницей, непремѣнно

разскажетъ, какъ нынче въ церкви его разутѣшилъ Николаша. Но кто лучше всѣхъ, такъ это торговцы на Преображенскомъ рынкѣ. Они выучили Николашу пѣть отвратительныя пѣсни, и, нарядивъ его въ шутовской костюмъ, напримѣръ лакеемъ, заставляютъ его пѣть, хохочутъ надъ нимъ, дразнятъ его словно собаку. А то заставятъ его чихнуть разъ пятьдесятъ, зѣвнуть разъ сто,—онъ зѣваетъ и чихаетъ до пота, до изнеможенія, а они-то несчастные, хохочутъ, хохочутъ, а послѣ подадутъ ему копеечку. Такимъ образомъ Николаша знаменитъ не столько по своему дурачеству, сколько по дурачеству окружающихъ его существъ, тоже называемыхъ людьми. Самъ онъ лично—очень простое, доброе и слабое существо, великій охотникъ до рѣпы и, къ несчастію, или можетъ быть, къ счастію—до вина, питью котораго научили его тѣже рыночные благодѣтели.

МАТЮША.

Матюша тоже изъ крестьянъ, да еще изъ господскихъ. И, странное дѣло, наши барыни такъ любятъ и почитаютъ юродивыхъ и дурачковъ, а, между тѣмъ, ни одного изъ нихъ нѣтъ, который вышелъ бы изъ господъ,— все-то изъ мужичковъ, какъ будто они для этого только родятся... Онъ лѣтъ сорока, невысокъ ростомъ, русый, съ небольшой бородкой. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ на общественную дѣятельность, на общественное служеніе, онъ былъ нищимъ въ городскихъ рядахъ, и для удовольствія именитаго купечества кувыркался и дурачился за копеечку серебромъ. Иль ужь ему наскучила эта наука, и захотѣлось отдохнуть, или же просто вышелъ случай, только онъ поступилъ въ

монастырь; но его оттуда скоро удалили за хитростное пронесеніе въ монастырь водки. Снова онъ явился въ Москвѣ, но ужъ въ иномъ видѣ, преображенный,—въ послушническомъ платьѣ, и снова сталъ ходить по купцамъ и поздравлять, кого съ праздникомъ, кого съ ангеломъ, да сбирать на скиты и и монастыри и все собранное проживать въ переулкахъ на Самотекѣ. Особенно онъ сдѣлался извѣстенъ со времени своего участія въ знаменитомъ кіевскомъ походѣ, совершенномъ три года назадъ *матушкой Матреной Макарьевной*. Собравшись въ Кіевъ, Матрена Макарьевна набрала съ собой для пущаго подвижничества цѣлую толпу различныхъ юродивыхъ, странниковъ и странницъ, богадѣленокъ и приживалокъ, человѣкъ до ста, и съ этой ватагой начала свое шествіе. Увлекая за собой по дорогѣ все сподручное, Матрена Макарьевна привела въ Кіевъ ужь человѣкъ съ триста. Зрѣлище шествія этой аравы было необыкновенно, это была какая то оживотворенная картина изъ тысячи одной

ночи. Должно замѣтить, что все это сонмище продовольствовалось на счетъ Матрены Макарьевны, но кромѣ того, всякой имѣлъ собственныя у себя деньги, да еще по дорогѣ собирали подаянія, а потому, можете представить, какая всѣмъ была раздольная жизнь. Растянувшись по дорогѣ длинной вереницей самыхъ разнообразныхъ личностей, шедшихъ попарно и кучками, подъ вечеръ вся эта орда стягивалась гдѣ нибудь у лѣса, и раскладывала станъ, чисто цыганскій. Чего только тутъ не было! И брань, и драка, и слезы, и лобзанія, и пѣсни разгульныя, стихи умильные, словомъ, тутъ все было. Чѣмъ свѣтъ орда ужь подымалась съ ночлега и продолжала свое шествіе. Когда же это страшное и дикое сонмище, вооруженное клюками и палками, вступало въ города, то власти спѣшили выслать къ нему стражу, кроткую и вѣжливую, только бы по добру по здорову спровадить сонмище изъ городскихъ предѣловъ. Здѣсь былъ и Матюша. Будь онъ не изъ крестьянъ, будь не простой юродивый а прой-

доха, онъ пошелъ бы далеко; но ему не удалось еще окончательно изуродовать свою душу, окончательно оподлѣть, и теперь, не пользуясь никакой особенной извѣстностью, онъ снова нищенствуетъ, и единственное наслажденіе его осушить, при случаѣ, часика въ два большой, что называется купеческій, самоваръ, чашекъ въ шестьдесятъ.

ЕВДОКІЯ ТАМБОВСКАЯ.

Женщина лѣтъ пятидесяти, въ черномъ коленкоровомъ платьѣ, повязанная чернымъ платкомъ, сухая, блѣдная и вѣчно босая Ее всегда вы можете видѣть въ Рогожской, въ Таганкѣ, въ Покровскомъ,—въ этихъ парнихахъ, гдѣ произрастаетъ всякое юродство и ханжество, въ этой ямѣ гдѣ скопляются всякой соръ и нечистота. Она останавливаетъ на улицѣ всякаго проходящаго и проситъ у него: «миленькій братецъ, или миленькая сестрица, благословите на копеечку!» И если дадутъ ей желанную копеечку, то она начнетъ крестить миленькаго братца или миленькую сестрицу, а если не дали, то она стращаетъ ихъ адомъ и геенскими муками, вотъ всѣ и даютъ, и даютъ.... Когда пригласятъ ее въ домъ, она войдетъ и сядетъ

на полъ и начнетъ разводить росказни о разныхъ явленіяхъ и видѣніяхъ, еще бывающихъ на свѣтѣ, а потомъ попроситъ и водочки. И если при этомъ спросятъ ее, да развѣ тебѣ, матушка, можно пить водку-то? то она отвѣчаетъ: «водку-то? а водку можно, поелику мы люди такіе, что водку просимъ, а воду пьемъ, воды просимъ—водку пьемъ!» Позабавясь такимъ образомъ долгое время надъ матушкой Москвой, матушка Евдокія отправилась недавно въ другія города и веси, чтобъ и тамъ прославить свое имя.

КСЕНОФОНТЪ ПЕХОРСКІЙ.

Ксенофонтъ Пехорскій—нѣкій плодъ юродственной пропаганды славнаго Ивана Степаныча Пехорскаго (съ р. Пахры). Онъ былъ крестьянинъ, жилъ работникомъ на постояломъ дворѣ, и, соблазненный примѣромъ Ивана Степаныча, промѣнялъ труды, хотя тяжелые и неприбыльные, но честные, на легкое и выгодное, но подлое добываніе денегъ юродствомъ. Смѣтливый мужикъ, онъ понялъ, какъ и чѣмъ можно дѣйствовать на людей. Здоровый человѣкъ лѣтъ тридцати, онъ вдругъ представился болящимъ, постящимся, сталъ ходить босикомъ съ большою палкой въ рукахъ, съ непокрытою головой, и началъ говорить темныя рѣчи, вполнѣ увѣренный, что на его вѣкъ станетъ дураковъ, которыхъ бы онъ руководствовалъ

на пути къ спасенію. Изъ деревни онъ пришелъ въ Москву, а тогда въ Москвѣ было холерное время, въ которое чернь особенно падка на такихъ фокусниковъ. И началъ онъ лже-юродствовать. Водки не пилъ, по ночамъ читалъ книги, и въ рѣчи свои вставлялъ тексты изъ писанія; чаю пилъ мало, да и то не иначе, какъ съ деревяннымъ маслицемъ отъ лампадки, смотрѣлъ внизъ, вздыхалъ и съ горничными не заигрывалъ, какъ обычно дѣлаютъ это всѣ лже-юродивые, однимъ словомъ, выдержалъ себя, какъ слѣдуетъ быть смиренному человѣку. Раза три въ годъ онъ ходилъ на богомолье, собравъ предварительно деньги на вспоможеніе скитамъ и монастырямъ; но такъ какъ у него, по случаю, карманы были очень длинны, то и неудивительно, что набранныя деньги и оставались тамъ навсегда.... Промыкавъ такую жизнь года съ три, и видя, что холера прошла, и доходовъ становится все меньше и меньше, отецъ Ксенофонтъ рѣшился разъ пересчитать свою казну, нашелъ въ ней тысчечку другую, и

подумавъ маленько, въ одно прекрасное утро скинулъ съ себя послушническое платье, и одѣлся опять мужикомъ. Теперь онъ прасолъ, женился и поживаетъ припѣваючи, разсказывая, подъ веселую руку, о своихъ похожденіяхъ между московскими купчихами и барынями, величая каждую по имени, отечеству и прозванію.

Ѳеодосій.

Онъ изъ крестьянъ Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи; проживалъ прежде на Дѣвичьемъ полѣ, на фабрикѣ купцовъ Ганещиныхъ, а потомъ, найдя, что юродство очень выгодно, принялся юродствовать и теперь пребываетъ въ Хамовникахъ. Хамовники въ послѣднее время сдѣлались пріютомъ для всевозможныхъ ханжей, зане тамъ живетъ нѣкій купецъ, главный ихъ покровитель. Ѳеодосій ходитъ босикомъ, носитъ желѣзныя вереги и пророчествуетъ. Это здоровый мужикъ лѣтъ сорока, съ окладистой бородой, плѣшивый. На родинѣ у него есть семейство, и дочь его, молодая дѣвушка, время отъ времени приходитъ къ нему, и отбираетъ у него деньги, собираемыя ей на приданое.

ПЕТРЪ УСТЮЖСКІЙ.

Человѣкъ небольшаго роста, лѣтъ 35-ти, съ русой бородкой, по плечамъ длинные волосы. Онъ въ послушническомъ полукафтаньи, подпоясанъ ремнемъ. Его можно встрѣтить на московскихъ улицахъ, по которымъ онъ всегда ходитъ въ припрыжку, отчего среди ханжей онъ и извѣстенъ подъ именемъ бѣгунка. Проживаетъ онъ у извѣстнаго купца, любителя всякихъ пророковъ и пророчицъ. Петруша особенно любитъ хорошіе соты, здобные, сладкіе пироги, цвѣточный чай, моченыя яблоки, варенье всѣхъ сортовъ, зернистую икру, блины, яичницу и молодыхъ горничныхъ, которыхъ называетъ вербочками, малиновками, пѣночками, кинареечками, лапушками. Въ домѣ, куда ходитъ Петруша, если есть горничная

то она носитъ одно изъ помянутыхъ названій и вѣрующіе ставятъ ему это въ юродство. Одна изъ особенностей его та, что онъ можетъ заразъ съѣсть цѣлый арбузъ, какъ бы онъ ни былъ великъ. При видѣ подобнаго арбуза онъ начинаетъ кричать: «искушеніе, искушеніе! великое искушеніе!» И за тѣмъ беретъ арбузъ въ колѣнки, а ножикъ въ руки, и работаетъ до тѣхъ поръ, пока отъ арбуза останутся однѣ корочки. Тоже бываетъ и при видѣ бурака съ зернистой икрой. «Искушеніе, кричитъ онъ, искушеніе! душа требуетъ, душа желаетъ!» и беретъ буракъ въ колѣнки и ѣстъ икру до тѣхъ поръ, пока ея не останется не зернышка.

ОТЕЦЪ ГАВРІИЛЪ АѲОНСКІЙ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ появился въ Москвѣ сей отецъ Гавріилъ и произвелъ великій шумъ между московскими ханжами. Всѣ съ наслажденіемъ упивались слушаніемъ его разсказовъ объ Аѳонѣ и раскупали по дорогой цѣнѣ принесенныя имъ откуда-то разныя бездѣлюшки. Родомъ онъ изъ Молдаванъ, хоть онъ самъ говоритъ, что онъ изъ Албанцевъ и перешелъ въ православную вѣру вслѣдствіе бывшаго съ нимъ чуда, но это не больше, какъ сказка. Поживъ въ Москвѣ съ годъ и набравъ не одну тысячу рублей, онъ къ великому огорченію почитательницъ возъимѣлъ желаніе снова отправиться на Аѳонъ. Стали его уговаривать всѣми силами, чтобъ онъ остался въ Москвѣ; но онъ отказывался, говоря, что уставы московскихъ

монастырей слишкомъ слабы для подвижниковъ, что онъ далъ обѣщаніе жить на Аѳонѣ, и т. под. но, поломавшись довольно, онъ рѣшился остаться и поселился въ одномъ изъ пріютовъ около Москвы, гдѣ ему выстроили келью за оградой, какъ онъ этого самъ пожелалъ *ради уединенія*. Поживъ немного въ своей кельѣ и вѣроятно соскучившись, онъ опять явился въ Москвѣ къ неописанной радости его почитателей. Онъ имъ разсказывалъ, что ему тамъ не давали покоя разныя демонскія искушенія. Демоны въ разныхъ видахъ не оставляли его ни днемъ, ни ночью. Днемъ онъ все видѣлъ около своей кельи молодыхъ крестьянокъ, собирающихъ будто-бы ягоды, и онѣ то манили его къ себѣ, то водили въ его глазахъ хороводы, то пѣли пѣсни. По ночамъ же къ нему являлись разныя чудовища; то слышался вой волковъ, то будто бы разбойники пришли его убить и топорами стучатся въ его двери, то появлялись молодыя нагія красавицы и обнимали его. Отецъ Гавріилъ видѣлъ будто бы въ этихъ явлені-

яхъ перстъ, указывающій ему возвратиться на Аѳонъ. Снова пожалѣли о немъ его доброхоты, снова собрали ему на путь большую сумму денегъ, распрощались съ нимъ и проводили; но не прошло и года, какъ онъ опять появился въ Москвѣ. Онъ разсказывалъ новую басню о томъ, какъ былъ застигнутъ болѣзнію въ городѣ Одессѣ, проболѣлъ полгода, и потомъ два раза сбирался на Аѳонъ, и два раза заболѣвалъ, и что въ этомъ онъ также видитъ особый перстъ, указующій ему жить въ Москвѣ. Этотъ чудесный случай усугубилъ еще больше уваженіе къ отцу Гавріилу, какъ будто видимо ознаменованному благодатью, и одинъ изъ его поклонниковъ, богатый купецъ изъ-за Москворѣчья, устроилъ ему въ саду у себя келью. И отецъ Гавріилъ, поселившись на весяхъ замоскворѣцкихъ, къ великой радости его почитателей, сталъ поживать; но не прошло и года, какъ маска съ него спала и всѣ его узнали.

Дѣло въ томъ, что онъ началъ мѣшаться

во всѣ семейныя дѣла. У купца, гдѣ онъ жилъ, была большая семья, и дошло до того, что, по милости новаго жильца, имъ пришлось хоть разъѣхаться. Стали думать, отчего бы это доселѣ жили всѣ мирно, а теперь явилась такая неурядица; думали, думали и догадались, что все это по милости отца Гавріила, и вотъ выгнали его изъ дому, и все пришло въ старый порядокъ. Послѣ этой исторіи слава аѳонца немного упала, и онъ ушелъ въ одинъ скитъ близъ Москвы; но, поживъ въ скиту съ годъ, онъ и тамъ не могъ ужиться и опять появился въ Москвѣ, опять сталъ сбираться на Аѳонъ, сталъ опять сбирать на окончательное возвращеніе, и, собравъ опять значительную сумму, все таки остался въ Москвѣ, объявляя, что собранныхъ имъ денегъ мало, потому что на Аѳонѣ даромъ не принимаютъ и требуютъ великихъ вкладовъ. И вотъ онъ остался и снова зажилъ въ Москвѣ, весело и жирно. Зная, гдѣ и когда онъ будетъ, его ждутъ, выходятъ встрѣчать за ворота. Введя его въ домъ,

сажаютъ на первое мѣсто, угощаютъ стерляжьей ухой, до которой онъ великій охотникъ, кланяются ему въ ноги, цѣлуютъ ему руки и приказываютъ прислугѣ дѣлать тоже самое. Лакей изъ дворовыхъ людей, жившій у купца, никакъ не рѣшался цѣловать руки у ханжи и кланяться ему въ ноги, и за это былъ разочтенъ, какъ безбожникъ, и изгнанъ. Хотѣли даже высѣчь его за это въ части, но только полиція, при всемъ уваженіи къ купцу, не нашла для этого достаточныхъ основаній. Для выѣздовъ по монастырямъ отцу Гавріилу всегда былъ готовъ экипажъ. Ему были открыты у всѣхъ и сердце, и душа, и кошелекъ, и жилъ онъ, какъ говорится, припѣваючи. Но въ послѣднее время слава сего отца значительно упала и имя его изъ передовыхъ ханжей отошло на задній планъ. Живетъ онъ и теперь еще въ Москвѣ у одного ханжи купца, который разъ ужъ заплатилъ за рубль тридцать копеекъ, но попрежнему продолжаетъ содержать у себя не одинъ десятокъ пустосвятовъ для спасенія

своей души. Ходитъ онъ по кремлю и по московскимъ монастырямъ; по старой памяти заходитъ къ своимъ старымъ знакомымъ съ книжниками и просвирками. Это худощавый старикъ средняго роста съ небольшой сѣдой бородой. Ему лѣтъ подъ 60, и онъ извѣстенъ теперь ужъ не подъ именемъ отца Гавріила Аѳонскаго, а просто *Гаврила Ѳедоровича*.

МАША БУСИНСКАЯ.

ПЕЩЕРОКОПАТЕЛЬНИЦА.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ, въ одномъ изъ московскихъ женскихъ монастырей, у одной изъ матушекъ, пригащивала крестьянская дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, сирота, по имени Марья; матушкѣ она приходилась дальней родственницей. Это была хорошенькая дѣвочка, съ свѣтлыми глазками, веселая, незастѣнчивая. Прошло нѣсколько времени, и пронесся слухъ, что въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Бусинѣ, появилась какая-то неизвѣстная дѣвица, которая роетъ тамъ пещеру. Говорили, что роетъ она по ночамъ и въ это время все кругомъ нея освѣщается необыкновеннымъ свѣтомъ, а роетъ она по

особенному, бывшему ей гласу, что она должна тутъ вырыть икону. Москва, услышавъ про явленіе въ селѣ Бусинѣ, бросилась туда сломя голову. Дворянки, купчихи, мѣщанки, чиновницы, старухи и молодыя, богатыя и бѣдныя, всѣ шли и ѣхали въ село Бусино увидѣть молодую труженицу. Пещера, гдѣ она жила, была ничто иное какъ огромная, глубокая яма; на стѣнѣ висѣла икона, съ горѣвшей предъ ней лампадой; на полу лежала ветхая одежда труженицы, и она сама, съ заступомъ въ рукахъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ и съ распущенными волосами, распѣвала звонкимъ голосомъ духовныя пѣсни. Это была наша Маша, доведенная до этого состоянія своими родственниками, видѣвшими въ ней средство наживы. Приходившіе къ ней предлагали ей разныя вопросы, но она на нихъ почти не отвѣчала,—опускали ей въ яму сдобные пироги, калачи, сайки и деньги, а взамѣнъ этого брали изъ ямы песочикъ и щепочки, выкапываемыя будто бы Машею. Для кресть-

янъ села Бусина это просто было счастьемъ, упавшимъ съ неба, потому что отъ нахлынувшей массы богомольцевъ они получали большія выгоды. Многіе приходили съ вечера и останавливались у крестьянъ почевать за очень высокую цѣну, и кромѣ того платили деньги за молоко, за самовары. А впослѣдствіе времени поставлена была кружка для сбора въ пользу труженицы; доходъ былъ хорошій, и промышленники-родственники дѣлились имъ съ кѣмъ нужно. Около ямы стали появляться больные, приходившіе за полученіемъ исцѣленія, слѣпые, хромые и порченые, выкликавшіе на разные голоса. Нищіе и сборщики и сборщицы на разныя вещи промышляли здѣсь вмѣстѣ съ другими. Слава о Машѣ Бусинской разносилась быстро, и село Бусино очень скоро прославилось и стало любимымъ праздничнымъ гуляньемъ Москвичей. Толпами валилъ туда народъ посмотрѣть на хорошенькую копательницу. Молодые купчики и офицерство, на лихихъ извощикахъ, съ кулечками винца, отправлялись туда на

цѣлую ночь, и село, доселѣ свѣжее и чистое, замѣтно стало развращаться. Такъ какъ лѣто приходило къ концу, а ожидаемая икона не выкапывалась, то и начали дѣлать приготовленія, чтобы пещера на зиму была теплая, и чтобъ устроить туда правильный ходъ, а надъ пещерой устроить часовню, словомъ, все какъ слѣдуетъ. Но среди этихъ распоряженій, въ одну ночь нагрянуло земское начальство, и все должно было прекратиться. Машу взяли и отвезли въ Москву, гдѣ на допросѣ она показала, что была научена, и сказала, кѣмъ именно, что никакого гласа она никогда не слыхивала, что ей очень наскучило сидѣть въ ямѣ и она хотѣла оттуда бѣжать, а обѣщанныхъ денегъ ей никогда не давали и пользовались ими только тѣ, которые ее научили. Кончилось тѣмъ, что Маша отдана была на покаяніе въ одинъ изъ женскихъ монастырей, а лица, учившія ее юродству, успѣли какъ-то отдѣлаться отъ всякаго суда и слѣдствія. Послѣ покаянія Маша жила въ селѣ Свибловѣ, на суконной фабрикѣ Кожев-

никова, въ суконщицахъ, и какая была дальнѣйшая судьба этой дѣвочки, намъ неизвѣстно. Осталась-ли она честной крестьянкой, вышла ли замужъ и была доброй матерью, или, развившись среди ханжества и обмана, сама сдѣлалась ханжей или странницей.— Гдѣ ты теперь?

ОТЕЦЪ АНДРЕЙ.

Подъ именемъ *отца Андрея* извѣстенъ въ Москвѣ нѣкій петербургскій уроженецъ. Учился онъ, по его собственнымъ разсказамъ, въ С.-Петербургской Академіи, но былъ оттуда уволенъ до окончанія ученія; потомъ жилъ по разнымъ монастырямъ, въ томъ числѣ и въ московскихъ, за разныя продѣлки попался подъ слѣдствіе и содержался въ острогѣ. Пройдя такимъ образомъ, какъ говорится, огнь и воду и мѣдныя трубы, онъ принялся юродствовать. Прежде онъ все ходилъ босикомъ и въ бѣлой шляпѣ; а, разживясь немного, онъ завелъ себѣ разные костюмы для разныхъ случаевъ. Въ домъ богатой купчихи и на храмовые праздники онъ является въ одеждѣ послушника, подпоясанъ

ремнемъ, на головѣ скуфейка; въ домъ богатой барыни онъ приходитъ въ сюртукѣ и шляпѣ и даже съ лорнеткой, а на гуляньяхъ онъ бываетъ одѣтъ купцомъ или крестьяниномъ. Отцу Андрею лѣтъ около сорока; онъ хорошо сложенъ, у него правильныя черты лица, не очень длинныя, но вьющіеся свѣтло-русыя волосы, и красивая окладистая борода. Хотя обращеніе и всѣ манеры его грубы и угловаты, но онъ умѣетъ говорить по французски, да еще такимъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ, что такъ и влѣзетъ тебѣ въ душу, а потомъ и въ карманъ. Прійдя въ общество ханжей, старухъ и старыхъ дѣвокъ, онъ начинаетъ толковать о смерти и адѣ, о своихъ великихъ согрѣшеніяхъ и называетъ себя великимъ грѣшникомъ. Идя же въ домъ еще болѣе благочестивый онъ надѣваетъ на себя вериги, зная, что его оставятъ тамъ ночевать, и устроитъ такъ искусно что непремѣнно кто нибудь увидитъ его вериги. Приготовятъ ему мягкую и чистую постель, но онъ никакъ не ляжетъ на нее, а ляжетъ

на голомъ полу. «Поспишь здѣсь на жесткомъ,» говоритъ онъ, «на томъ свѣтѣ уснешь на мягкомъ.» На этомъ же основаніи онъ прикидывается великимъ постникомъ и въ домѣ ханжей съѣдаетъ только два грибка да солененькій огурчикъ. Явившись въ домъ богатой барыни-ханжи, разсказываетъ, что онъ дворянинъ, знатной фамиліи, что онъ до сихъ поръ еще ведетъ переписку съ знатными лицами духовными и свѣтскими,—разсказываетъ, что онъ оставилъ родительскій домъ и отказался отъ имѣнія *Бога ради*, съ малолѣтства возъимѣвъ желаніе спасти свою душу, и при этомъ очень искусно проводитъ мысль, что онъ не случайный какой-нибудь, а добровольный, ради Христа нищенствующій великій подвижникъ. Но когда ему случится попасть въ кругъ молодыхъ купчиковъ и прикащиковъ, то картина перемѣняется. Тутъ отецъ Андрей дѣлается душою компаніи, разсказываетъ уже не объ тамъ и тамъ, но о разныхъ своихъ похожденіяхъ, и разсказы его, одинъ другаго скандальнѣе, текутъ не-

прерывно и неистощимо, возбуждая въ слушателяхъ смѣхъ, хохотъ и рукоплесканья. Подадутъ водочки, онъ выпьетъ и споетъ разухабистую пѣсенку, а если есть гитара, то давай и гитару, и вся честная компанія гуляетъ: шумъ, крикъ, пѣсни, пляска. Одинъ *благочестивый* купецъ, зайдя разъ нечаянно къ своимъ прикащикамъ, засталъ тамъ столь почитаемаго имъ отца Андрея среди полнаго разгула, да еще въ пятницу, а прикащики еще нарочно поставили передъ нимъ тарелку съ колбасой.

— Что ты это дѣлаешь, отецъ Андрей? вопрошаетъ изумленный почитатель юродиваго пройдохи.

Отецъ Андрей, нисколько не сконфузясь, отвѣчаетъ:

— А развѣ ты не читалъ въ Прологѣ, что угодники Божіи также ѣли колбасу?

Въ другой разъ одна барыня застала его

съ своей горничной въ очень интимномъ положеніи.

— Что ты батюшка, озарничаешь? сказала она, всплеснувъ руками.

—«Нѣтъ, матушка Матрена Ивановна,» отвѣчалъ пройдоха, «не озарничаю, а искушаю....»

Его часто можно было видѣть на тверскомъ бульварѣ, въ Александровскомъ саду, и особенно подъ вечеръ. Въ числѣ посѣщаемыхъ имъ домовъ извѣстенъ одинъ, принадлежащій нѣкоторой дѣвицѣ ***, принимающей у себя всевозможныхъ ханжей, старцевъ и старицъ, богомольцевъ и богомолокъ и пр. и пр. Но гдѣ истинно вѣруютъ въ отца Андрея, гдѣ предъ нимъ какой-то волшебной силой отворяются всѣ двери, куда-бы онѣ ни вели, даже въ спальню,— гдѣ отецъ Андрей блаженствуетъ, доставляя настоящее блаженство другимъ,—это въ Замоскворѣчьи. Онъ очень любитъ толковать про Палестину, и старается всегда узнать,

кто что думаетъ, и вотъ такимъ образомъ, потолковавъ немного, онъ такъ хитро обернетъ дѣло, что, не прося ничего, получаетъ щедрую подачу. Для него ничего не жалко: «Батюшка, отецъ Андрей, только бери!»

ИВАНЪ СТЕПАНЫЧЪ.

Иванъ Степанычъ, мужикъ лѣтъ пятидесяти, плѣшивый, съ бородой, одѣтъ на подобіе монастырскаго служки, говоритъ сладко и краснорѣчиво. Онъ изъ крестьянъ, былъ прежде извощикомъ-лихачемъ и стоялъ у Ермолая на Садовой, что возлѣ Козихи,— на самомъ, то-есть, распрекрасномъ мѣстѣ. По случаю какого-то происшествія, онъ оставилъ извозничество, и отправился странствовать, потомъ явился опять въ Москвѣ, но уже юродивымъ, ходилъ босикомъ, пророчествовалъ и привлекъ къ себѣ много почитателей. Тутъ поймала его полиція, и, разыскавъ, признала его за бродягу, и онъ былъ посаженъ въ острогъ. Выйдя изъ острога, онъ уже сталъ ходить въ сапогахъ, юродство уже оставилъ, и сталъ являться въ разные дома,

какъ *наставникъ въ благочестіи*, успѣлъ въ скоромъ времени собрать много денегъ, а еще больше благодѣтелей и почитателей, и основалъ на рѣкѣ Пахрѣ какой-то пріютъ.

Особеннымъ расположеніемъ пользуется онъ въ Замоскворѣчьи и на Самотекѣ, преимущественно у богатыхъ купцовъ и купчихъ, которые считаютъ его посѣщеніе за благодать. Придетъ Иванъ Степанычъ не веселъ, и всѣ знаютъ ужь, что быть бѣдѣ. Захворай кто-нибудь послѣ его посѣщенія хоть черезъ мѣсяцъ: «Ну, вотъ,» говорятъ, «Иванъ-то Степанычъ былъ невеселъ, «вотъ и захворала Акулина Михайловна!» Умри кто нибудь черезъ полгода: «Вотъ, скажутъ, Иванъ Степанычъ-то все хмурился,—вотъ оно къ чему!»

Онъ очень любитъ читать людямъ поученія, и очень недоволенъ современною жизнію, что люди мало подаютъ отъ своихъ богатствъ, на что, впрочемъ, ему жаловаться нельзя. У него на каждомъ шагу такіе благодѣтели, которые валятъ въ него тысячами, и сами не понимаютъ цѣли своей необыкновенной

щедрости. Тутъ нѣтъ даже и ложнаго понятія о благочестіи, нѣтъ и обольстительной мысли о самоспасеніи посредствомъ денегъ, тутъ одно крайнее тупоуміе: Иванъ Степанычъ блаженный— ну такъ и вали ему деньги! Купецъ бьетъ своего *мальчика* за лишній съѣденный имъ кусокъ хлѣба, мальчикъ этотъ въ лавкѣ мерзнетъ, не имѣя калошъ, а часто и шубы, мальчикъ этотъ съ трудомъ выпроситъ у хозяина гривну, чтобъ сходить въ баню, мальчикъ этотъ и въ воскресенье цѣлый день на работѣ да на побѣгушкахъ и, сохрани Боже, если онъ вздумаетъ пойти въ воскресную школу—забьютъ!—Между тѣмъ приди Иванъ Степанычъ, и этотъ же несчастный мальчикъ бѣжитъ, по приказу хозяина и за мягкими калачами, и за краснымъ дорогимъ винцомъ, и за икрой. Большая часть тысячъ, которыя купцы наживаютъ, обмѣривая и обвѣшивая по эту сторону рѣки, на той сторонѣ, въ Замоскворѣчьи, идетъ на Ивана Степаныча, на ханжей, и на подобныя дѣла благочестія.

Вотъ живутъ въ Москвѣ двѣ богатѣйшія купчихи; мать вдова тратитъ ежегодно по нѣскольку тысячъ на старцевъ и старицъ, не отстаетъ отъ нея и дочка, которая, кромѣ того, платитъ ежегодно по 5000 р. сер. французу парикмахеру за уборку головы каждый день, а спросите у нихъ, дали ли онѣ что-нибудь для воскресныхъ школъ? были-ли онѣ хоть въ одной такой школѣ?—ничего, никогда! Только и слышишь отъ нихъ, что жалобы на полицію, отчего она не ловитъ воровъ, отчего вездѣ страшное воровство и т. п. Да помилуйте, что можетъ сдѣлать самая лучшая полиція, когда вы, вы всѣ, составляющіе общество, только и дѣлаете, что воспитываете воровъ. Вотъ ряды глухихъ бѣдныхъ переулковъ, гдѣ толпы дѣтей, оборваныхъ и босоногихъ, воспитываются тѣмъ только, что даетъ имъ улица, гдѣ они бѣгаютъ съ утра до ночи. Вотъ *Ножевая линія*, гдѣ возлѣ каждой лавки толчется два или три *мальчика*, все ученіе которыхъ состоитъ въ неистовомъ зазываніи въ лавку, да въ присматриваніи,

какъ хозяинъ обмѣриваетъ, какъ запрашиваетъ въ три-дорого. Вотъ, наконецъ, въ Москвѣ выростаютъ толпы извощиковъ, которые обыкновенно начинаютъ свое ремесло мальчиками лѣтъ 9 и 10-ти. Ну скажите, что-жь вы сдѣлали для этихъ бѣдныхъ? Ничего ровно ничего! Ну, такъ и не жалуйтесь на воровъ, и молчите.

Но возвратимся къ Ивану Степанычу. Есть у него свой скотный дворъ, и изъ своего скотнаго двора онъ посылаетъ своимъ благодѣтелямъ разные дары куръ, телятъ, яица, творогъ, сметану, и такой благодѣтель, получивъ, напримѣръ, горшокъ смѣтаны, сначала отдариваетъ за нее золотомъ, а потомъ съ благоговѣніемъ кушаетъ эту смѣтану съ жирными щами со свининкой, и поглаживая брюшко, строго наказываетъ оборванной и грязной кухаркѣ, чтобъ она хорошенько покрывала эту сметану, да какъ можно бы берегла ее: «она вѣдь отъ Ивана Степаныча!»

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА БОСОНОЖКА,

и

ФИЛИППУШКА.

Въ сороковыхъ годахъ на московскихъ улицахъ появилась молодая дѣвица, лѣтъ двадцати, не дурная собой, стройная; распущенные ея волосы были покрыты чернымъ платкомъ, а ноги босы. Въ это же время бѣгалъ въ Москвѣ извѣстный Филипушка, съ огромной палкой, на которой сидѣлъ литой мѣдный голубь, самая же палка была вѣсомъ около пуда; въ другой рукѣ у него былъ колокольчикъ, и онъ въ него звонилъ.—Одежда у него была полу-монашеская. За Филипушкой постоянно бѣгала толпа женщинъ и мальчишекъ; первымъ онъ говорилъ разныя непо-

нятныя рѣчи, а вторымъ кидалъ деньги и пряники, и всѣхъ поздравлялъ съ ангеломъ. Прибѣжитъ онъ, бывало, на площадь къ Спасскимъ воротамъ, раздастся звонъ колокольчика, и выбѣгаютъ толпы рядскихъ торговцевъ, окружаютъ Филипушку и внимаютъ его вѣщимъ рѣчамъ. Прибѣжитъ онъ въ трактиръ, и появленіе его приведетъ всѣхъ въ ужасъ, и никто не знаетъ, что сказать ему, что дѣлать. Теперь ужь онъ не бѣгаетъ по Москвѣ, хотя часто бываетъ въ ней; живетъ онъ теперь въ одной изъ московскихъ пустынь и палка у него тяжелая, какъ прежде, но ужь безъ голубя. Единовременное появленіе этихъ двухъ юродивыхъ нарушило безмятежную жизнь Москвы; Замоскворѣчье, Рогожская и другія богатыя слободы встрепенулись, и пошли вездѣ толки, что быть чему-то недоброму. Только и говорили вездѣ, что о двухъ новоявленныхъ юродивыхъ.

—Видѣли-ли вы, матушка, Филиппушку? спрашиваетъ одна купчиха другую.

—Нѣтъ, матушка, не видала еще.

—Да не грѣхъ ли это вамъ?

—Да гдѣжь его увидать-то, матушка?

—Какъ гдѣ? Захочете—такъ увидите. Я три дня за нимъ ѣздила, и только на третій день привелъ Богъ найти его въ Новой Слободѣ.

Одни говорили, что быть голоду въ Москвѣ, другіе, что придетъ холера, третьи ждали комету, отъ которой должна была провалиться земля. А дряхлыя старушки, помнившія еще чуму говорили, что будетъ непремѣнно чума, потому что и передъ первой чумой являлись разныя предзнаменованія. Толковали вездѣ: на рынкахъ, въ трактирахъ и баняхъ. Московскія вѣстовщицы сбились съ ногъ, бѣгая по своимъ благодѣтельницамъ, и передавая собранныя свѣденія о томъ, гдѣ и какъ живутъ новоявленныя личности, надѣлавшія столько шума. Филиппушка не имѣлъ постояннаго дома, живя нынче—здѣсь, завтра—тамъ; онъ былъ изъ крестьянскихъ дѣтей и занимался прежде извозничествомъ. Юродивая дѣвушка называлась сначала Татьяной, а по-

томъ Татьяной Степановной босоножкой. Она была изъ купеческаго рода, сирота, жила въ одномъ дворянскомъ домѣ, и получила тамъ порядочное воспитаніе; было у ней какое-то неудачное любовное дѣльце, заставившее ее оставить дворянскій домъ; она ушла, познакомилась съ ханжами и принялась юродствовать. Проживала она на Плющихѣ, въ своемъ домѣ; съ ней вмѣстѣ жили ея сестры. Принимая къ себѣ посѣтителей, она сначала не брала никакихъ предлагаемыхъ ей даяній, но потомъ, понаторѣвъ въ своемъ ремеслѣ, сама стала изыскивать для поживы разныя средства.

Она сначала все отчитывала порченыхъ и больныхъ, потомъ распустила слухъ, что явилась у ней въ домѣ чудотворная икона, и толпы народа осаждали ее съ утра и до ночи. Она продавала свѣчки, которыя усердствующіе ставили передъ иконой, раздавала за деньги пузырьки съ масломъ отъ иконы, и даже поставила кружку для сбора приношеній. О себѣ она говорила всѣмъ, что

будто ей въ сновидѣніяхъ бываютъ разные гласы и явленія, и посѣщавшимъ ее предсказывала будущее. Старухи-ханжи, старыя дѣвки и несчастныя молодыя дѣвушки, которыя по совѣтамъ босоножки отказывались выходить замужъ, жили у ней съ утра и до ночи, а иныя даже оставались ночевать. Эти постоянныя собранія у босоножки, недосказанныя чудеса отъ иконы, и разныя неблаговидныя сцены, бывавшія тайно по ночамъ,—все это обратило на себя вниманіе начальства, и икона была взята въ одинъ изъ московскихъ монастырей, а босоножкѣ приказано было прекратить всякія денныя и ночныя сборища. Послѣ этого Татьяна Степановна собиралась выдти замужъ. Удалось ли это ей, или нѣтъ, мы не знаемъ. Она давно уже утратила свою молодость и поустарѣла, и теперь занимается сватовствомъ и другими подходящими къ этому дѣлами. Постоянными посѣтительницами ея дома старыя дѣвки съ оболонками, и никогда не увядаемыя вдовицы съ моськами. Преоб-

ладающій запахъ въ ея комнатахъ — запахъ бѣлилъ, румянъ и тому подобныхъ снадобей: только отворишь дверь, такъ и тебя обдастъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА СКАЧКОВА,

лѣчившая водой.

Въ тридцатыхъ годахъ, въ одной изъ московскихъ богадѣленъ, проживала бѣдная дѣвушка изъ купеческаго рода Скачковыхъ, кинутая своими родными на произволъ судьбы, и кромѣ того обиженная природой: она была хрома, кривобока и едва двигалась. Сорокъ лѣтъ жила въ этой тьмѣ Марья Ивановна, и вдругъ начала разсказывать другимъ богадѣленкамъ, что она во снѣ слышала голосъ, говорившій ей: «Марія, благословляй воду на исцѣленіе другихъ!» Видѣніе это повторялось нѣсколько разъ. И вотъ однажды приходитъ въ богадѣльню какой-то мужикъ и спрашиваетъ Марью Ивановну, объясняя,

Онъ, бывало пріѣдетъ, соберутся двое-трое важныхъ стариковъ, ея усердныхъ поклонниковъ, запрягутся всѣ они въ колясочку на ресорахъ и катаютъ Марью Ивановну по саду. Знатныя московскія барыни и всякіе богатые люди считали за честь быть знакомыми съ Марьей Ивановной, и каждый день около ея дома стояли десятки экипажей. Одни посѣщали ее изъ благоговѣнія, —другіе, потому что знакомство съ ней считалось въ то время такою же модой, какъ и посѣщеніе находившагося тогда на Тверской *Изидина храма*, гдѣ также предлагались вопросы о будущемъ, и невидимый голосъ давалъ отвѣты. На основаніи того, что Марья Ивановна была необыкновенная женщина, не похожая на остальныхъ смертныхъ, она обращалась съ своими знакомыми свысока, даже грубо, что еще выше поднимало ее въ общемъ мнѣніи. Всѣхъ, безъ различія званія и пола, она называла одними только именами: Иванъ, Степанъ, Ольга, Катерина, Анна и т. под., хотя эти Иваны и Степаны, послушные ей какъ овечки,

считались въ мірѣ самыми сильными людьми. Въ ея гостинной рѣшались разныя общественныя и домашнія дѣла; тутъ возстановлялся миръ между мужемъ и женою, отцемъ и сыномъ, и примиренные всегда считали долгомъ принести виновницѣ этого какую-нибудь жертву. Черезъ нее получались выгодныя мѣста. Всякой, обратившійся къ Марьѣ Ивановнѣ и успѣвшій заслужить ея расположеніе, получалъ всегда отличное мѣсто, потому что стоило сказать ей: «Иванъ, дай мѣсто Петру,» и мѣсто давалось безпрекословно. «Или: «Григорій, опредѣли такого-то,» и такого то сейчасъ опредѣляли. Иногда же Марья Ивановна не обращалась прямо къ Ивану или Григорью, а дѣйствовала черезъ посредство барынь. — «Лизавета, говорила она какой нибудь Графинѣ, помѣсти Андрея.» — «Слушаю-съ,» былъ отвѣтъ. И когда нужно было, Марья Ивановна умѣла настоять на своемъ.

— Елена, говорила она, опредѣли Михайлу.

— Да это, матушка, не отъ меня зависитъ.

—Знаю, что не отъ тебя, да ты попроси: ты вѣдь знаешь, кого попросить.

—Слушаю-съ.

—Ну такъ не огорчи же меня.

Въ ея домѣ писались и подписывались духовныя такими людьми, которымъ въ другомъ мѣстѣ и помянуть объ этомъ не смѣли. Но если Марья Ивановна заговаривала объ этомъ, то они ужь молча покорялись, и всякой думалъ про себя: ну, вѣрно скоро умирать, коли Марья Ивановна велѣла писать духовную! У ней заключались браки; всѣ новости текущей жизни Москвы и Петербурга ей были извѣстны и слава ея не только не уменьшалась, но еще больше увеличивалась. Ходила она въ черномъ, волосы стригла по мужски и голову иногда покрывала шапочкой. Собой была худощава, мала ростомъ, имѣла проницательные глаза и рѣзкій голосъ. При ея выѣздахъ, огромные лакеи брали ее на руки и носили въ карету и изъ кареты. Вся сила ея, по преимуществу, состояла въ томъ, что

она благословляла воду, получавшую отъ этого цѣлительное свойство. Но въ послѣдніе годы, какъ мы уже отчасти видѣли, къ ней многіе ѣздили не за водой уже, а за другими вещами. Слава о Марьѣ Ивановнѣ достигла сѣверной Пальмиры, и тамошніе знакомые московской знати стали подзывать туда Марью Ивановну. Сначала она отказывалась ѣхать, какъ будто предчуствуя что-то недоброе, но самолюбіе, что она взойдетъ еще ступенью выше, превовмогло, и она отправилась. Въ Петербургѣ была для нея приготовлена роскошная квартира. Выѣхала она благополучно, но на дорогѣ почувствовала себя больной, въ Торжкѣ скончалась и тамъ была погребена съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Все имѣніе ея досталось бывшей ея компаньонкѣ Катеринѣ. Катерина впослѣдствіи поступила въ монастырь и умерла постриженною.

АГАША.

Агаша—это пятидесятилѣтняя старушка—юродивая, съ блѣднымъ лицомъ, въ заячьей шубкѣ, въ черномъ платьѣ, и съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Она, безъ сомнѣнія, изъ крестьянокъ, потому что изъ барынь никогда не выходили юродивыя: барыни только умѣютъ спасаться посредствомъ юродивыхъ! Ее пріютили прежде въ Алексѣевскомъ монастырѣ, но когда его упразднили для построенія на мѣстѣ его храма Спасителю,—она перебралась въ Вознесенскій монастырь. Сюда-то долгое время собирались къ Агашѣ барыни и купчихи, узнать у ней о будущемъ, спросить о покражѣ, словомъ—отвести себѣ душу въ бесѣдѣ съ существомъ, которое онѣ считали несравненно высшимъ себя. Винить ли за это ба-

рынь и купчихъ? Эти барыни и купчихи, во всякомъ случаѣ, живые люди,—во всякомъ случаѣ ихъ сердце и душа требуютъ болѣе возвышенной и духовной пищи, чѣмъ забота о модныхъ шляпахъ или жирной рыбицѣ,— и, что жь прикажете дѣлать, когда внѣ бесѣды съ юродивыми онѣ не знаютъ ничего, что могло бы нравственно возвысить человѣка! Для здороваго крестьянина такая духовная пища—въ пѣснѣ, старинной отцовской пѣснѣ, много говорящей неиспорченному сердцу, для ученаго—въ наукѣ, для молодости—въ романтизмѣ надеждъ и стремленій, для гражданина и гражданки—въ высокомъ служеніи отчизнѣ, но для московской купчихи или барыни ничего подобнаго не существуетъ. Весь ихъ идеальный міръ нейдетъ дальше рыбицы, да здоровеннѣйшаго кучера, да толстѣйшей лошади, и непремѣнно какого нибудь юродика. И лже-юродивые, понимая очень хорошо свое высокое общественное значеніе, и держатъ себя, какъ можно выше и величественнѣе. Сколько барынь, которыя,

изгоняемыя покойнымъ Юпитеромъ, глаголемымъ «Иванъ Яковлевичъ,» бѣжали отъ него смиренныя, покорныя его всемогущему приговору,—бѣжали, лобызая прахъ его логовища.. Это понимала и Агаша. Бывая въ церкви, она нисколько не церемонилась: была какъ дома, разговаривала громко и, когда нужно, смѣялась. Ходя по церкви и ставя свѣчи передъ иконами (всѣ обыкновенно ей давали ставить свѣчки) она подходила къ той, или другой иконѣ и говорила «это тебѣ, Иванушка!» «Это тебѣ, Николаша,—одна отъ меня, а другая отъ рабы божьей Дарьи.» А раба божья Дарья слышитъ и начинаетъ усильно кланяться и молиться. Агаша умерла. Прости страдалица, что потревожили мы убогую могилку, гдѣ твое крестьянское Горе-Злосчастіе успокоилось наконецъ отъ всевозможнаго юродства!

МАРФА ГЕРАСИМОВНА.

Марѳа Герасимовна—тоже изъ крестьянокъ какъ будто спеціально созданныхъ для юродства. Прозывалась она *Хотьковской*, и была *затворницей*. Въ затворѣ пребывала она лѣтъ тридцать, и чрезвычайно рѣдко, въ нѣсколько лѣтъ разъ, рѣшалась выходить на Божій свѣтъ. Каждый выходъ ея изъ затвора принимался за предзнаменованіе какого нибудь великаго несчастія, возбуждалъ говоръ, наводилъ на всѣхъ ужасъ, и начинали являться разныя видѣнія ...«Гляди-ка матушка, говорили, мать Марѳа Герасимовна вчера изъ затвора выходила—быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!» Неслось повсюду слово «бѣда», и вотъ одна слышала звонъ на колокольнѣ, въ полночь, другая сказала, что идетъ антихристъ, пышетъ пламя изъ него и все то пеналяетъ.

изгоняемыя покойнымъ Юпитеромъ, глаголемымъ «Иванъ Яковлевичъ,» бѣжали отъ него смиренныя, покорныя его всемогущему приговору,—бѣжали, лобызая прахъ его логовища.. Это понимала и Агаша. Бывая въ церкви, она нисколько не церемонилась: была какъ дома, разговаривала громко и, когда нужно, смѣялась. Ходя по церкви и ставя свѣчи передъ иконами (всѣ обыкновенно ей давали ставить свѣчки) она подходила къ той, или другой иконѣ и говорила «это тебѣ, Иванушка!» «Это тебѣ, Николаша,—одна отъ меня, а другая отъ рабы божьей Дарьи.» А раба божья Дарья слышитъ и начинаетъ усильно кланяться и молиться. Агаша умерла. Прости страдалица, что потревожили мы убогую могилку, гдѣ твое крестьянское Горе-Злосчастіе успокоилось наконецъ отъ всевозможнаго юродства!

Герасимовна, не наплела еще»—и это ужь навѣрно значитъ, что не выйдетъ судьба ея дѣтищу,—или мужъ пьяница, или сама умретъ пожалуй, и вотъ идетъ и плачется несчастная маменька. А кого она удостоитъ кружевцомъ, то всѣ начинаютъ распрашивать, въ чемъ Мароа Герасимовна подходила къ окошечку, скоро дала или нѣтъ, длинное дала кружево или короткое, широкое или узкое—и, смотря по отвѣту, дѣлаютъ приличныя гаданія. Вотъ подошла къ окошку старушка мѣщанка, и причитаетъ умильнымъ голосомъ: «дай ты, матушка Мароа Герасимовна, дай ты, матушка, дитящѣ-то моему, Настѣ, благословеньецо-то». Сайка сунута, сунутъ и двугривенный, но Мароѣ Герасимовнѣ больно надоѣли, она подошла къ решеткѣ, зарычала и ушла, а бѣдная мѣщанка столичнаго города Москвы начинаетъ выть и голосить, что и великая-то она грѣшница, которой Мароа Герасимовна и кружевца то не пожаловала, и какъ ей быть теперь бѣдной, куда дѣваться и что состроить съ дѣтищемъ....Получаемыя

Въ воздухѣ и на землѣ чудились страшила. Дѣти, толпами живущія по близости, плакали и по вечерамъ боялись выдти на дворъ. Даже кошки и коты, не знавшіе никакихъ страшилъ, и тѣ, встрѣчаясь нечаянно съ своими перепуганными хозяйками, сами пугались и бросались въ сторону, и тѣмъ наводили еще пущій страхъ. Но Мареа Герасимовна снова вошла въ затворъ, снова начала плесть кружева, высовываться изъ своего окошечка и изрекать оттуда кару или спасеніе, смотря потому, какъ ей вздумается. Снова толпы купчихъ и барынь тѣснятся у ея окошечка, ожидая ее по часу или по два. Пришли и пріѣхали онѣ къ ней попросить благословенія на бракъ дочери и получить знаменіе—т. е. кружевца. Подойдутъ къ окошечку, благословятся, просунутъ туда калачъ или сайку, и деньги, чтобъ задобрить и склонить къ себѣ идола,—и скажутъ: пожалуйте, матушка, кружевца—дочку замужъ отдаю! Дала кружево—цалуютъ и прячутъ; не дала или отказала—это великое несчастіе. «Нѣту, скажетъ Мареа

Герасимовна, не наплела еще»—и это ужь ни-вѣрно значитъ, что не выйдетъ судьба ей дѣтищу,—или мужъ пьяница, или сама умретъ пожалуй, и вотъ идетъ и плачется несчастная маменька. А кого она удостоитъ кружевцомъ, то всѣ начинаютъ распрашивать, въ чемъ Мареа Герасимовна подходила къ окошечку, скоро дала или нѣтъ, длинное дала кружево или короткое, широкое или узкое—и, смотря по отвѣту, дѣлаютъ приличныя гаданія. Вотъ подошла къ окошку старушка мѣщанка, и причитаетъ умильнымъ голосомъ: «дай ты, матушка Мареа Герасимовна, дай ты, матушка, дитящѣ-то моему, Настѣ, благословеньецо-то». Сайка сунута, сунутъ и двугривенный, но Мареѣ Герасимовнѣ больно надоѣли, она подошла къ решеткѣ, зарычала и ушла, а бѣдная мѣщанка столичнаго города Москвы начинаетъ выть и голосить, что и великая-то она грѣшница, которой Мареа Герасимовна и кружевца то не пожаловала, и какъ ей быть теперь бѣдной, куда дѣваться и что состроить съ дѣтищемъ....Получаемыя

отъ затворницы кружева, матери отдаютъ дочерямъ вмѣстѣ съ приданымъ; дочки берегутъ, чтобъ въ свою очередь передать въ наслѣдство своимъ дѣточкамъ. Деньги же, которыя давали Мареѣ Герасимовнѣ, она все копила, копила, и послѣ смерти нашли у нея цѣлыя кучи мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ, и бумажекъ, успѣвшихъ подвергнуться тлѣнію.

ИВАНЪ СТЕПАНЫЧЪ,

киновіархъ и блюститель женской Пехорской киновіи.

Иванъ Степановичъ, родомъ съ Пахры, изъ крестьянъ. Переѣхавъ изъ деревни въ Москву, онъ рѣдко пользовался случаемъ побывать на родинѣ, и ожить немного въ отцовской семьѣ отъ угара городской цивилизаціи, а поэтому Москва наложила на него всю тяжелую руку свою. Съ малолѣтства онъ занимался извозничествомъ, и подобно большей части своихъ товарищей по ремеслу, очень рано сдѣлался замѣчательнымъ плутомъ. Онъ зналъ подробно всѣ пути наживы, зналъ всѣ бани и всѣ заведенія. Бойкій мальчикъ, онъ лихо каталъ гулякъ, охотниковъ въ солдаты, да жуликовъ;

лихо умѣлъ подкатить къ барышнѣ, подхватить ее и прогулять съ ней двадцать рублей гдѣ нибудь на *Волчьей долинѣ*, иль на *Балканѣ*, иль гдѣ нибудь въ захолустьи. Сдѣлался онъ *лихачемъ*, и стоялъ близъ Козихи у гостинницы Полтава, но судьба ему не повезла. На постояломъ дворѣ, гдѣ онъ жилъ, случилась какая-то значительная пропажа, пало подозрѣніе на Ивана Степаныча; онъ заперся и забожился. Дали ему присягу, онъ присягу принялъ, и хоть былъ оправданъ судьями, но ужъ съ тѣхъ поръ ни одинъ хозяинъ не бралъ его въ работники. Иванъ Степанычъ сталъ бродяжничать, года два гдѣ-то пропадалъ, потомъ вдругъ явился въ Москвѣ босымъ, въ видѣ юрода и блаженнаго, и тутъ случилась ему неудача. Попался онъ въ полицію, за то, что не имѣлъ паспорта; да еще былъ замѣченъ въ какихъ-то крѣпкахъ.—Его взяли и посадили въ острогъ. Будь это другой кто нибудь,—ему не спастись бы *отъ владиміровки*, но Иванъ Степанычъ, опираясь уже на свою юродственную знаме-

нитесть, вздумалъ обратиться къ Ивану Яковлевичу. Иванъ Яковлевичъ пишетъ о немъ одному вліятельному лицу, вліятельное лицо хлопочетъ объ освобожденіи Ивана Степаныча, и его освобождаютъ, обязавъ подпиской не бродить. Выпущенный на волю онъ идетъ къ Ивану Яковлевичу благодарить его и проситъ у него благословенія на основаніе молитвеннаго дома на Пахрѣ. Иванъ Яковлевичъ благословляетъ его, и приказываетъ всѣмъ московскимъ ханжамъ, чтобъ шли они на жительство съ Иваномъ Степанычемъ. Начинаютъ собираться къ нему вдовы купчихи, странницы, и всѣ, засидѣвшіяся въ дѣвкахъ, и приносятъ съ собою большія деньги. Купечество, лишь узнало объ этомъ, жертвуетъ, Ивану Степанычу капиталы. Вдовые купцы, ѣздятъ къ нему на богомолье, и проживаютъ у него дня по два по три. Никто не уѣзжаетъ безъ вклада. Одинъ жертвуетъ деньгами по 3000 въ годъ, другой даритъ сестрицъ миткалемъ и ситчикомъ. Иванъ Степанычъ выстроилъ обширное зданіе для сестеръ, завелъ

скотный дворъ, и снабжаетъ своихъ благодѣтелей творожкомъ и молочкомъ, и молочко отъ Ивана Степаныча пьютъ только на тощакъ, какъ лѣкарство. Посѣщая Москву, онъ является въ церквахъ, и во время службъ обличаетъ людей, которые крестъ кладутъ не истинно (т. е. по старовѣрчески), не такъ какъ православные, обличаетъ и тѣхъ, которые нищимъ милостыни не подаютъ, а сами курятъ и нюхаютъ зеліе скверное, изъ утробы блудницы произшедшее. Ходя по купечеству, онъ собираетъ пожертвованія, строитъ на Пахрѣ храмъ, и на освященіе его съѣзжается чуть не вся Москва.

КИРЮША.

Кирюша изъ крестьянъ Тульской губерніи. Первоначальная исторія его жизни неизвѣстна,—знаемъ, что долгое время проживалъ по разнымъ монастырямъ и отсюду изгнанный, какъ онъ выражается, *за благочестіе*, прибылъ въ столичный городъ Москву, въ чинѣ наставника и учителя, и узрѣвъ во оныя присноспребывающую въ семъ градѣ простоту души и довѣріе, онъ явился прорицателемъ судебъ, и поселился на Зацѣпѣ. Это былъ мужикъ благообразный съ виду, лѣтъ сорока, немного сухощавый, блѣдный, съ небольшою свѣтлорусою бородою, блестѣвшею просѣдью,—начитанный и краснорѣчивый. На вопросы, отовсюду обращающіеся къ нему,—что онъ? и кто онъ?—у него былъ

одинъ отвѣтъ, смиренный и кроткій: *азъ есмь рабъ Божій Кирюша.* Носилъ онъ спереди сумку, и ее никогда не снималъ. Дѣйствуя себя-по-умѣ, онъ сначала ни къ кому ни ходилъ, и его трудно было зазвать въ гости.— «Батюшка, Кирюшенька, упрашивали его купчихи, зайди чайку откушать.»—Не пойду, не пойду, отвѣчалъ онъ; радъ бы знаете, да святые не велятъ.» Такіе темные намеки еще болѣе раздражали любопытство, и понятно, какова была радость, когда одной купчихѣ, извѣстной въ замоскворѣчьи, удалось залучить его къ себѣ. Войдя на дворъ, онъ началъ креститься, но дойдя до крыльца, закричалъ благимъ матомъ: «полы не мыты, полы не мыты! псы были, псы были!» и ушелъ. Купчиха уразумѣла, что это значило, и разсказывала, что вчера былъ у дочери ея учитель, и вотъ батюшка-то угадалъ, что она пустила въ домъ бусурмана. Учителя прогнали, вымыли полы, окна и двери, весь домъ окропили святой водой, и послали за Кирюшей, пригласивъ предварительно войкъ

родныхъ и знакомыхъ придти посмотрѣть, какъ Кирюша будетъ показывать свою святость. Собрались и Марья Климовна и Дарья Ефимовна, и Ѳедосья Ивановна, и Аграфена Тимофеевна. Разговаривая шопотомъ, онѣ разсказывали о томъ, какой это великій провидецъ Кирюша, охали и ахали, но вотъ вбѣгаютъ въ комнату кучеръ и дѣвка, и кричатъ: идетъ! »Тихой поступью, склоня немного голову, какъ будто думая о чемъ-то, шелъ Кирюша. Войдя въ квартиру, поклонился на всѣ стороны, потребовалъ столъ и чистую скатерть, велѣлъ зажечь восковыя свѣчи, снялъ сумочку, и, обращаясь къ собраннымъ женамъ, спрашивалъ ихъ: «мужатицы вы, или вдовицы?» когда послѣдовалъ единогласный отвѣтъ, что всѣ мужатицы, т. е. замужнія, то онъ спросилъ еще: «чисты вы, или нѣтъ? Коль не чисты, то не приступайте, иначе обличены будете.» Послѣдовалъ робкій отвѣтъ, что всѣ чисты, и тогда онъ приказалъ всѣмъ кланяться до земли, а самъ, ставъ на колѣни передъ столомъ, началъ вы-

нимать изъ сумки разныя вещи. Вотъ, говоритъ онъ, покажу вамъ прежде воду—тьму Египетскую, что напущена на Фараона, и показываетъ какую то стклянoчку, въ которой всѣ прикладываются. А вотъ, говоритъ, часть младенца, убитаго Иродомъ, а это камень, взятый Моисеемъ, при переходѣ черезъ Чермное море, а это кость изъ того кита, въ которомъ пребывалъ пророкъ Іона, а это копыто валаамской ослицы, и пр. и пр. Изъ того что было здѣсь показано, много было продано и за большія деньги, остальное порасхупили всѣ знакомыя мущинчихи.

Кирюша вошелъ въ славу. Онъ отчитывалъ больныхъ, лѣчилъ дѣтей отъ безсонницы, но, не смотря на все свое благочестіе, не могъ спастись отъ сѣтей лукаваго, который хочетъ уловить всякаго блаженнаго человѣка. Посѣщая одну набожную портнику, Кирюша влюбился въ ея мастерицу. Денегъ у него было много, онъ взялъ ее отъ хозяйки и открылъ ей магазинъ; но она, какъ только выманила у него весь капиталъ

тотчасъ выгнала его вонъ, а сама вышла за мужъ. Репутація Кирюши была потеряна; онъ сталъ загуливать, но потомъ снова поправился, и теперь говорятъ, онъ одинъ изъ извѣстныхъ въ Москвѣ старьевщиковъ—кулаковъ.

НИКАНОРЪ.

Отпущенникъ помѣщика Викулина, по имени *Никаноръ*, ловкій малый, жилъ себѣ уединенно въ Воронежѣ на Богоявленской горѣ. Присмотрѣвшись къ толпамъ отвсюду стекавшихся богомольцевъ, для поклоненія вновь открытымъ мощамъ св. Митрофанія, и крѣпко соблазнившись возможностію набрать трудовыхъ, чужихъ грошей, Никаноръ облекается въ черную власяницу, отращаетъ себѣ бороду и волосы, и превращается такимъ образомъ въ *отца Никанора*. Въ этомъ новомъ чинѣ онъ сначала терся около простосердечныхъ пришельцевъ—мужичковъ и бабъ; потомъ, пріискавъ себѣ ловкихъ *пидбрихачей*, вдругъ скрылся; затѣмъ разнесся слухъ, что Никаноръ *затворился* и жажду-

нимъ проницаетъ будущее. Для этой новой профессіи онъ придумалъ слѣдующую приличную обстановку: избралъ себѣ тѣсную келью, въ которой устроилъ уставленную сверху до низу иконами божницу съ неугасимыми лампадами и свѣчами, а посреди комнаты поставилъ черный гробъ, вмѣщавшій въ себѣ послѣдніе атрибуты жизни—покрывало, свѣчи и ладонъ. Въ этой-то свѣтлицѣ—конечно, только лишь въ присутствіи постороннихъ, падалъ онъ ницъ и молился. Усердные глашатаи зазывали богомольцевъ—удостоиться чести побывать у затворника Никанора. Толпами валилъ *темный и невидущій* людъ въ открытую западню съ посильными приношеніями. Никаноръ, ничѣмъ не стѣсняясь, *благословлялъ* посѣтителей и вралъ все, что могъ. Удавшаяся спекуляція и жажда славы, соединенной съ богатыми дарами, довели его вотъ до чего: въ кельи Никанора, посредствомъ проверченной въ потолкѣ дыры, сталъ слышаться *гласъ свыше*, отпущающій грѣхи лежащимъ на полу въ покаянномъ смиреніи бабамъ. Но,

къ счастію, *гласъ* этотъ, при всей своей мягкости, достигъ до слуха полиціи и отецъ Никаноръ изгнанный изъ затвора, женился на дочери лѣснаго сторожа въ дачѣ купца А-на. Дальнѣйшая судьба этого проказника окончилась ссылкою въ Сибирь, за какія-то новыя дѣянія.

АНТОНУШКА.

Небольшаго роста, съ рѣдкой сѣденькой бородкой, въ сѣрой свиткѣ, пожилыхъ лѣтъ, отъ природы неимѣвшій разсудка, простой мужикъ одной изъ близъ лежащихъ къ Задонску деревень—*Антонушка* имѣлъ постоянное пребываніе въ этомъ городѣ и славился тамъ какъ юродивый прорицатель и псевдочудотворецъ. Многіе приходили и пріѣзжали къ Антонушкѣ въ Задонскъ изъ другихъ уѣздовъ съ больными дѣтьми просить исцѣленія. Такъ Усманскаго уѣзда, села Чамлыка мѣщанка, Елена Васильева Солодовникова, у малолѣтняго сына которой поражены были неизлѣчимымъ недугомъ ноги, ходила съ нимъ въ Задонскъ къ Антонушкѣ. Пришедши къ нему въ комнату, мать больнаго поднесла ребенка и просила совѣта, чѣмъ лѣчить его.

Антонушка поплевалъ на ноги больнаго, потеръ ихъ своими слюнями и сказалъ—теперь будетъ здоровъ. Рыжнот, предсказаніе не исполнилось. Изъ всѣхъ городовъ Воронежской губерніи ни одинъ не находится въ такомъ близкомъ общеніи съ губернскимъ, какъ Задонскъ. Жители Воронежа всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ, часто посѣщая Задонскій монастырь, свѣдали и объ Антонушкѣ. По свойству ли человѣческой натуры, жаждущей узнать о своей будущей судьбѣ, или просто въ слѣдствіе особеннаго сочувствія въ нѣкоторыхъ личностяхъ къ пустосвятству,—безсвязнымъ и безсмысленнымъ лаконическимъ фразамъ Антонушки, общество, преимущественно женщинъ, придало таинственный, духовный смыслъ пророчества. Антонушка до того пошелъ въ ходъ, что въ Воронежѣ ощущалась потребность присутствія его на продолжительное время. Одна свѣтливая ханжа взялась доставлять по временамъ обществу это псевдо-духовное наслажденіе; она дала у себя въ домѣ постоянный пріютъ пріѣзжав-

цему изъ Задонска Антонушкѣ, развозила его повсюду, принимала посѣтителей и, собирая обильную дань во имя Антонушки, подѣлилась кое-чѣмъ съ пріѣзжавшими въ Воронежъ его родными. Худощавый и слабо-сильный отъ природы, Антонушка былъ совершенный ребенокъ; при полномъ отсутствіи разсудка, онъ рѣдко говорилъ; если же проговаривалъ иногда два-три слова, то уже твердилъ ихъ нѣсколько разъ безостановочно. Вотъ образчикъ пророчествъ Антонушки, сообщенный однимъ изъ членовъ семейства, въ которомъ совершались слѣдующія факты. Въ 183.. году семейство богатаго и уважаемаго въ городѣ купца *П. П. С-ва* пожелало благодатнаго присутствія Антонушки, за которымъ послали экипажъ. Молодые члены семейства и особенно сыновья г. С-ва, учившіеся въ то время въ гимназіи, желали видѣть Антонушку просто изъ любопытства; но старички и старушки ждали его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его святости и потому, нѣкоторые изъ нихъ во все время ожиданія, затворившись,

усердно клали земные поклоны, прося Господа о томъ, чтобы Онъ сподобилъ достойно встрѣтить лже-пророка. Послѣ этого когда раздался крикъ: «ѣдетъ, ѣдетъ!» всѣ вышли на крыльцо, ссадили желаннаго гостя съ пролетокъ, какъ дитя, и съ благоговѣніемъ ввели его подъ руки въ комнату. Антонушка былъ въ старомъ армякѣ, въ шапкѣ и рукавицахъ. По срединѣ комнаты встрѣтила его почтенная старушка, глава семейства; она съ подобающею честью протянула къ нему сложенныя одна на другую руки, преклонила голову и сказала: «Благословите, Антонушка!» Между тѣмъ Антонушка, едва переступивъ порогъ, началъ повторять: *Чи собаки брешуть? Чи собаки брешуть?* Просившую благословенія старушку, не снимая рукавицъ, онъ слегка ударилъ по щекѣ; сконфуженная неожиданной выходкой дурачка, она отвернулась въ сторону, потерла щеку и въ утѣшеніе себѣ сказала: *хорошо, что еще не дерется!* Затѣмъ посадили Антонушку на переднее мѣсто подъ образа. Члены семейства

желая каждый услышать предсказаніе о будущемъ, выходили по одиночкѣ изъ другой комнаты и показывались Антонушкѣ. При входѣ одного изъ сыновей г. С-ва, онъ началъ повторять: *паромы плывуть... паромы плывуть.* . Вышла дѣвушка, Антонъ заговорилъ: *Чи дивка безъ котовъ пришла? Чи дивка безъ котовъ пришла?* При появленіи другой, онъ сказалъ: *вари кулешу, вари кулешу.* Купцу Ш-ну, родственнику С-ва, Антонъ пророкъ: *Чи мене на поселенье сошлють? Чи мине на поселенье сошлють?* Антонушку почествовали чѣмъ Богъ послалъ и отвезли во свояси. Вотъ полный актъ его предсказанія, пріѣзда, и отъѣзда, сопровождавшихся толпою народа, собравшагося у воротъ С-ва. Въ другой разъ едва привезли Антонушку на дворъ, онъ расплакался, какъ дитя, и не хотѣлъ сойти съ пролетокъ; его насильно втащили въ комнату, но онъ вырвался и побѣжалъ къ воротамъ, которыя оказались затворенными; онъ бросился въ подворотню, но одинъ изъ сыновей г.

С-ва схватилъ его за ноги и втащилъ обратно на дворъ. Начали ублажать Антонушку, какъ ребенка: уговаривали, катали по двору на пролеткѣ, но ни что не помогало: онъ рвался и плакалъ. Послали наконецъ за его опекуншей, которая, покатавшись съ нимъ по двору, взошла въ комнату и съ таинственнымъ благоговѣніемъ объявила, что Антонушка не расположенъ сегодня *говорить*, съ тѣмъ и увезла его домой. Мы сами, въ ранніе годы нашей юности, видали его въ Задонскомъ монастырѣ. Какъ теперь представляется намъ фигура этого старичка съ всклоченными волосами, въ сѣромъ, низко подпоясанномъ кафтаникѣ, съ каменьями и всякой дрянью за пазухой. Вотъ онъ сходитъ съ церковной паперти, его окружаетъ толпа женщинъ и дѣтей всѣхъ сословій и съ благоговѣніемъ цѣлуетъ его грязныя руки. Антонушка умеръ въ Задонскѣ и погребенъ въ тамошнемъ монастырѣ. Разсказываютъ, что въ день погребенія въ рукахъ его—неизвѣстно откуда—явился запечатанный

пакетъ съ надписью: *на погребеніе Антонушки*; въ пакетѣ найдено 300 руб. Ловкіе люди обратили и этотъ простой случай въ чудо, вѣроятно для того, чтобы пробавляться кое-чѣмъ въ память Антонушки.

КИРЮША.

Крестьянинъ одного изъ торговыхъ селъ Борисоглѣбскаго уѣзда, въ полномъ умѣ и здравой памяти, сбросилъ съ головы шапку, разулся, остригся гладко подъ гребенку, обрилъ бороду, нарядился въ демикутоновое черное полукафтанье, опоясался ремнемъ, и въ такомъ видѣ явился на стогнахъ города Воронежа. Это былъ лже-пророкъ двухъ губернскихъ городовъ Воронежа и Тулы—знаменитый *мнимо-блаженный Кирюша*. Остриженный и обритый, онъ во всякое время года ходилъ босой, безъ шапки, въ легкомъ полукафтаньѣ; въ правой рукѣ его постоянно имѣлся жезлъ съ привязаннымъ на концѣ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ; палка эта была внутри пустая, наполненная свинцомъ, что придавало ей особенную тяжесть;

букетъ цвѣтовъ имѣлъ онъ постоянно свѣжій, даже и зимою, чѣмъ конечно обязанъ былъ своимъ почитателямъ прекраснаго пола. Свѣжее, румяное лицо Кирюши цвѣло здоровьемъ; чтобы искуснѣе обморочить почтенную публику, онъ притворился нѣмымъ, и при появленіи въ Воронежъ болѣе года не говорилъ ни слова. Но когда, по соображенію его, настало время окончательно дурачить суевѣровъ, то онъ заговорилъ. Конечно, эта выходка всѣхъ поразила; заговорилъ, такъ уже не спроста! Кирюша въ свою очередь тоже смекнулъ, чего отъ него ожидаютъ. Нѣсколько удачно сказанныхъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ фразъ доставили Кирюшѣ громкую славу пророка и открыли ему двери богатыхъ домовъ Воронежа, гдѣ онъ пользовался всевозможными даяніями и разъѣзжалъ въ богатыхъ экипажахъ. Преимущественно баловало Кирюшу купечество. Одно время жилъ онъ съ годъ въ домѣ почетныхъ гражданъ А-хъ; въ нижнемъ этажѣ ему была отведена особая комната. Зная, что всѣ до-

мащніе отъ прислуги до хозяевъ жадно слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ, Кирюша велъ себя осторожно. Каждый вечеръ онъ затворялся въ комнатѣ и усердно клалъ земные поклоны. Любопытные съ самаго начала вечера смотрѣли на его занятія въ дверную скважину, и блаженный, чтобы отвязаться отъ докучливаго любопытства, поражалъ иногда слѣдующимъ нечаяннымъ возгласомъ: «знаю, знаю, что вы на меня смотрите!...» Публика, внутренно укоряя себя въ грѣшномъ любопытствѣ, крестилась и со страхомъ расходилась по своимъ мѣстамъ. Одинъ только человѣкъ въ домѣ А-ыхъ не стѣснялся лже-пророческими возгласами прилѣжней и дольше всѣхъ наблюдалъ за Кирюшей по ночамъ и не остался отъ того въ накладѣ. Это былъ кучеръ Николай. Вѣроятно, подсмотрѣвъ когда-нибудь по позднѣй, что Кирюша, послѣ богомолья имѣлъ привычку пересчитывать свою выручку, онъ добрался какъ-то до нея и потянулъ весь капиталъ псевдо-пророка. Въ одну полночь, когда кучеръ Николай не

находилъ уже ничего любопытнаго въ надзорѣ за Кирюшей, послѣдній поднялъ страшный гвалтъ въ домѣ; всѣ проснулись и сбѣжались на крикъ. Кирюша бѣсновался и чуть не лѣзъ на стѣну; но о деньгахъ ни полслова. «Пустите меня вонъ отсюда!» кричалъ онъ неистово: не хочу больше здѣсь оставаться...» Послѣ уже узнали отъ него же о продѣлкѣ кучера Николая. Нерѣдко, соскучившись въ Воронежѣ, Кирюша отправлялся въ Тулу, гдѣ и имѣлъ постоянное пребываніе въ домѣ богатаго купца Д-на; тамъ отводилась ему особая комната, которая и носила названіе *Кирюшиной*. Въ Тулѣ онъ пользовался не меньшею популярностію, какъ и въ Воронежѣ. Въ тотъ годъ, когда въ Тулѣ былъ большой пожаръ, Кирюша, передъ отходомъ своимъ въ Воронежъ, былъ въ домѣ извѣстнаго купца М-ва: посмотрѣвши въ окна, онъ указалъ на городъ и проговорилъ: *скоро скоро, будетъ большая суета... все будетъ чисто...* Спустя немного времени по уходѣ Кирюши изъ Тулы, городъ

сгорѣлъ; слава лже-пророка утвердилась еще прочнѣе. Но не одна Тула платила дань суевѣрнаго поклоненія воронежскому лже-пророку: Москва также почтила его въ лицѣ богатой княгини N. Пріѣзжая въ Воронежъ на богомолье, г-жа N. познакомилась съ лже-пророкомъ и уже не могла съ нимъ разстаться, она увезла его съ собою въ Москву, отвела ему въ своемъ домѣ особую комнату, которая постоянно вся была убрана цвѣтами. По волѣ Кирюши, всякая отцвѣтшая плошка тотчасъ же выносилась садовникомъ вонъ и замѣнялась новою, цвѣтущею. Такъ блаженствовалъ Кирюша цѣлый годъ. Наконецъ совѣсть заговорила въ немъ; постыдное ремесло лже-пророка надоѣло ему; и вотъ онъ, превратившись опять въ крестьянина, обулся, отпустилъ волосы и бороду, надѣлъ сѣрый армякъ и шапку и отправился на родину. Теперь живетъ онъ въ одномъ изъ торговыхъ селъ Борисоглѣбскаго уѣзда, гдѣ сдѣлалъ на свой счетъ иконостасъ для сельской церкви; имѣетъ свой домъ съ хорошимъ садомъ и за-

нимается хозяйствомъ. 29-го Октября 1860 года, Кириллъ, проѣздомъ чрезъ Воронежъ въ Тулу, по старой памяти, былъ въ гостяхъ у почет. гражд. А-ва, гдѣ когда-то онъ постоянно жилъ. За чаемъ, на вопросъ хозяина—приходитъ ли ему когда-нибудь охота блажить по прежнему?... онъ простодушно отвѣчалъ: *Нѣтъ! подурачился, да и будетъ*... Замѣчательно, что по словамъ А-ва, изъ бывшаго лже-пророка вышелъ хорошій цвѣтоводъ.

ѲЕДОРЪ.

Въ пригородной слободѣ при дачѣ проживалъ фабричный крестьянинъ Ѳедоръ, имѣвшій двухъ малолѣтнихъ сыновей. Изъ желанія сколотить себѣ и дѣтямъ легкими средствами капиталецъ, онъ началъ лже-юродствовать, чѣмъ и промышлялъ до самой смерти. Дѣти его выросли, начали торговать, имѣли уже достаточныя средства къ жизни; и, видя всю нелѣпость шарлатанства отца своего, употребляли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры — усадить его дома, или заставить взяться за дѣло; но *мнимо-блаженное* состояніе такъ глубоко пустило свои корни, вошло въ плоть и кровь Ѳедора, что даже вліяніе полиціи оказалось надъ нимъ безуспѣшнымъ, и она махнула на него рукой. Юродствовавшій от-

нюдь не притворялся дурачкомъ, но корчилъ изъ себя *облагодатствованнаго* человѣка. Онъ ходилъ въ черномъ, засаленномъ полукафтаньѣ, съ длинными волосами, безъ шапки и босой во всякое время года. На головѣ у него былъ какой-то обручъ, обернутый черною сальною тряпицею, съ нашитымъ на ней позументнымъ крестикомъ; носилъ онъ длинную палку, съ желѣзнымъ на нижнемъ концѣ остріемъ, на верхнемъ же сдѣланъ былъ крестъ, обшитый шелковыми тряпичками, на которыхъ развѣшаны были металлическіе и стеклянные образки. Въ такомъ видѣ ходилъ онъ свободно по улицамъ, площадямъ, церквамъ и монастырямъ города, громко распѣвалъ духовные псалмы. Нерѣдко случалось, что пѣніемъ своимъ нарушалъ онъ порядокъ церковныя службы и съ желавшими воздержать его вступалъ въ громогласный споръ. Обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія его была монастырская галлерея, въ извѣстныя времена года биткомъ набитая богомольцами изъ селъ и деревень. Иногда онъ громко пѣлъ, а

иногда молча молился Богу, дѣлая размашистые кресты съ сильными ударами по головѣ, груди и плечамъ; земные поклоны его сопровождались сильнымъ стуканьемъ лбомъ объ полъ. Около него группировались толпы любопытныхъ богомольцевъ и надѣляли его милостынею, приговаривая: помяни за упокой или за здравіе такого-то; Ѳедоръ молча бралъ деньги и громко творилъ поминовеніе. По окончаніи церковной службы, когда весь народъ скоплялся около монастыря, онъ становился среди монастырской площади, оставлялъ одну руку съ жезломъ для цѣлованія креста въ тряпицахъ, гдѣ по словамъ его зашиты были частицы мощей, а другую протягивалъ для сбора денегъ. Каждый богомолецъ подходилъ, прикладывался къ образамъ на палкѣ и давалъ грошъ. Безпрерывный перечень душъ, которыхъ онъ обязывался поминать, надоѣдалъ ему; и вотъ, едва крестьянинъ, или крестьянка откроетъ ротъ и успѣетъ вымолвить «помяни...» святоша прерываетъ начатую фразу лаконическими возгласами, съ

киваньемъ головой, *знаю!... знаю, кого!... знаю....* Удивленные богомольцы благоговѣйно крестятся и шепчутся между собой: *вотъ ужъ подлинно-то святая душенька! ты только ротъ розинешь, а уже онъ и знаетъ кого нужно помянуть...* Этотъ потаскушка слылъ за предсказателя только у однихъ пріѣзжихъ господъ, которые нерѣдко посылывали за нимъ экипажи; въ глазахъ же коренныхъ жителей Воронежа онъ не имѣлъ ровно никакого значенія.

ОТЕЦЪ СЕРАФИМЪ.

Послѣднее нашествіе блаженнаго фокусника на Воронежъ было въ 1859 году. Государственный крестьянинъ Нижнедѣвицкаго уѣзда, села Везноватки, Ермилъ Сидоровъ, бросивъ жену и семейство, преобразовался въ какого-то *отца Серафима*, и пошелъ таскаться сначала по деревнямъ и уѣзднымъ городамъ, а потомъ пожаловалъ на вакантное мѣсто въ Воронежъ. Хорошо обутый, одѣтый въ суконное полукафтанье, съ монашеской скуфейкой на головѣ, скоро втерся онъ въ нѣсколько купеческихъ домовъ, гдѣ и пророчествовалъ, какъ только доставало умѣнья. Одна почтенная старушка, купеческая вдова В-ва, имѣя собственный каменный домъ, пріютила у себя отца Серафима. При

домѣ ея былъ садъ, въ которомъ находился флигелекъ въ одну комнату; въ немъ-то и поселился Серафимъ. Съ В-вою жилъ ея сынъ холостой человѣкъ, да прикащикъ,—племянничекъ ея Григорій К-нъ. Каждую ночь сынъ В-й, послѣ ужина, прощаясь на сонъ грядущій съ матерью, обращался къ ней съ вопросомъ: «Маменька! позвольте мнѣ пойти къ отцу Серафиму помолиться Богу?» Ну что-жъ! ступай, Христосъ съ тобою! было обычнымъ отвѣтомъ. Въ одинъ вечеръ сынъ ранѣе обыкновеннаго обратился къ матери съ подобною просьбою. Мать, хотя и благословила его, но подушка, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ и которую никогда не бралъ съ собою прежде, поселила въ ней какое-то безотчетное подозрѣніе. Спустя часа два, мучимая разными предположеніями и сомнѣніями (сынъ любилъ немножко покутить), старушка позвала къ себѣ прикащика. «Гриша, а Гриша! поди, матушка, посмотри—что мой Ваня дѣлаетъ у отца Серафима». Гриша, мужчина лѣтъ сорока семи, тотчасъ

же отправился по порученію въ садъ, гдѣ подойдя къ дверямъ кельи, по обычаю монастырскому пренаивно проговорилъ на распѣвъ входную фразу: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!...» Аминь! отвѣчалъ голосъ за дверью. Гриша взошелъ и остолбенѣлъ отъ удивленія: на столѣ былъ штофъ водки и осетрина, а за столомъ сидѣла мертвецки пьяная женщина; Ваня былъ не въ лучшемъ положеніи; Серафимъ однакожъ не былъ пьянъ. Все видѣнное Гришей было передано старушкѣ В-ой, и Серафима прогнали вонъ.

Изъ дома одного чиновника, гдѣ было нашелъ пристанище отецъ Серафимъ, выгнали его за то, что онъ, не смотря на тяжесть носимыхъ имъ веригъ, слишкомъ уже наглядно началъ ухаживать за хозяйкою въ отсутствіи ея мужа. Молоденькая купеческая жена О. Е. Ф-ва, кончившая курсъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, но сильно зараженная пустосвятствомъ, очень ласково принимала Серафима и благоговѣйно

выслушивала всю чушь, которую онъ городилъ ей. Вотъ что разсказывала о мнимомъ пророчествѣ Серафима молодая дама А-ва, хорошая знакомая Ф-ой. У мужа А-ой пропали изъ комнаты деньги; пока производился розыскъ ихъ полиціею, А-ва съ своей сестрою дѣвушкою, зная, что у Ф-вой будетъ Серафимъ, отправились туда изъ любопытства испытать его пророчество. При входѣ А-вой съ сестрою, Серафима поили чаемъ и онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, говорилъ: «Ты мнѣ послаже, послаже налей; положи побольше сахару, да варенья; не жалѣй! Не жалѣй...» Потомъ, не обращая вниманія на вошедшихъ, онъ сказалъ: «Вотъ пришли! Они думаютъ, что я цыганъ, буду имъ ворожить о деньгахъ. Деньги украла рыжая дѣвка! «Но эта меткая фраза не одурачила г-жи А-ой: она сейчасъ же догадалась, что плутъ Серафимъ уже слышалъ о пропажѣ денегъ изъ разговоровъ сестры ея, часто бывающей у Ф-ой, и потому не обратила особеннаго вниманія ни на лже-пророка, ни

на пророчество. Серафимъ показывалъ пріѣхавшимъ свою скуфейку и говорилъ, что она необыкновенная, а желѣзная; показывалъ также вериги; называлъ сестру А-ой своею невѣстою, становился съ нею передъ образами и, снявши съ ея пальца золотой перстень, надѣлъ его себѣ, и сказалъ, что теперь уже они обручены другъ другу. Перстень онъ унесъ съ собою и не отдалъ назадъ. Удивительно, откуда могъ достать полную одежду схимника. Особенность покроя и всѣ малѣйшія подробности ея не могли быть извѣстны обыкновенному портному, тѣмъ болѣе, что, сколько мы знаемъ Воронежъ и его монастыри, никто изъ монашествующихъ не принималъ на себя схимническаго сана. Схиму надѣвалъ на себя Серафимъ только лишь въ кельи, во время богомолья. Не долго, однакожъ, пошатался по Воронежу этотъ обманщикъ; вѣроятно, онъ увидѣлъ, что продѣлки его съ каждымъ годомъ будутъ все болѣе и болѣе терять свою цѣну, а потому покинулъ Воронежъ и, какъ говорятъ, отправился въ Москву.

БОРОДАТЫЙ МУЖИКЪ.

Въ одно время въ Воронежѣ мракъ суевѣрія до такой степени распространился, что даже сама полиція прибѣгала къ его помощи. Въ 18.. году, у полковника Л—го, была украдена шкатулка съ драгоцѣнными вещами. Л—й на другой же день обратился съ просьбою о розыскѣ вещей прямо къ губернатору, который тотчасъ же приказалъ полиціи принять всѣ мѣры къ отысканію. Должность полиціймейстера временно исправлялъ въ то время состоявшій при губернаторѣ для особыхъ порученій подполковникъ В. А. П—въ. Ревностное желаніе угодить начальнику, блеснуть предъ обществомъ своими юридическими знаніями и полицей-

скимъ соображеніемъ, подвинули П—ва принять живѣйшее участіе въ розыскѣ. Онъ сбилъ съ ногъ всю полицію, измучился и самъ, но вещи, какъ въ воду канули, даже слѣда не открыли. П—въ сталъ въ тупикъ. Думалъ, думалъ онъ и наконецъ попалъ на счастливую мысль: пригородныя слободы Воронежа богаты знаменитыми ворожеями и знахарями, которые многимъ угадываютъ о пропажахъ; будемъ и мы гадать; идетъ! воскликнулъ П—въ и лице его просіяло надеждою. Выписанъ былъ извѣстнѣйшій по этой части знахарь, бородатый мужикъ въ смуромъ армякѣ. Привезли его прямо въ одну изъ городскихъ частей и помѣстили въ канцеляріи; мужикъ объявилъ, что гаданье должно быть *на тощее сердце*. На утро подполковникъ П—въ, ратманъ полиціи, купецъ А., частный приставъ, квартальные и канцелярскіе служители собрались въ канцеляріи части и съ покорностію ожидали вѣщихъ словъ мага. Бородатый плутъ потребовалъ миску чистой воды, поставилъ ее на столъ

подъ образами и началъ что-то нашептывать. Окончивъ свои заклинанія, онъ отступилъ шага на три отъ стола съ миской, обратился къ присутствующимъ и съ суровою таинственностію сказалъ «Молитесь всѣ до единаго въ землю!»—Чудная была картина: здоровый мужичище дѣлалъ размашистые кресты и стукалъ лбомъ объ полъ; за нимъ съ благоговѣйнымъ смиреніемъ, усердно клали земные поклоны подполковникъ П—въ, частный приставъ, ратманъ и всѣ предстоящіе. Когда окончилась молитва, знахарь взялъ миску и сталъ смотрѣть въ воду. П—въ, наостривъ уши, весь превратился во вниманіе. Знахарь описалъ примѣты вора, объявилъ признаки мѣста его жительства и сказавъ о томъ, гдѣ спрятаны вещи,—распустилъ честную компанію. П—въ раскинувшись умомъ-разумомъ и посовѣтовавшись съ кѣмъ нужно, пріискалъ вора по примѣтамъ и сейчасъ же нагрянулъ на какой-то домишко. Всполошили всѣхъ сосѣдей, перепугали хозяевъ дома, перевернули все верхъ дномъ, но не только вещей,

Ксенофонтъ Печорскій. 73

Ѳеодосій. 76

Петръ Устюжскій. 77

Отецъ Гавріилъ Аѳонскій. . . . 79

Маша Бусинская, пещерокопательница. 85

Отецъ Андрей. 90

Иванъ Степанычъ. 96

Татьяна Степановна босоножка и Филиппушка. 101

Марья Ивановна Скачкова, лѣчившая водой. 107

Агаша. 114

Марфа Герасимовна. 417

Иванъ Степанычъ. 211

Кирюша. 125

[illegible] 130
[illegible] 133
2-й [illegible] 140
Федоръ 146
Отецъ Сергій 150
Боровицкій пушкарь 155